

18+

НАИДА БАШИРОВА

НАЧАТЬ СНАЧАЛА

ШАНС
НАЧАТЬ ЖИЗНЬ
С ЧИСТОГО
ЛИСТА...

Наида Баширова

Начать сначала

«Издательские решения»

Баширова Н.

Начать сначала / Н. Баширова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512379-4

Красавице Тине опостылело все: нелюбимый муж, властный свекор, высокомерная свекровь, похотливый деверь. Сможет ли она вырваться из золотой клетки, в которую оказалась заключенной помимо воли, и кто ей в этом поможет? Таинственный попутчик, нашептывающий ей слова искушения? Удачливый бизнесмен, которого она спасла от гибели? Бандит, держащий в страхе весь город? Новая жизнь манит и пугает, соблазняет и обещает. Но жизнь с чистого листа не дается даром, в этом ей очень скоро придется убедиться.

ISBN 978-5-00-512379-4

© Баширова Н.
© Издательские решения

Содержание

– 1-	6
– 2-	11
– 3-	19
– 4-	27
– 5-	32
– 6-	36
– 7-	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Начать сначала

Наида Баширова

© Наида Баширова, 2020

ISBN 978-5-0051-2379-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– 1 –

Я злилась, хотя и силилась не демонстрировать это, нацепив улыбку от уха до уха. Когда же, черт побери, этот автобус, сверкающий так, словно только что сошел с конвейера, тронется с места? Мне уже стало казаться, что никогда. Пассажиры медленно фланировали взад и вперед в ожидании, когда водитель соизволит пригласить их занять свои места, а я нервно барабанила пальцами по гладкой поверхности «Лексуса», бросая нетерпеливые взгляды по сторонам. Широкая потная ладонь накрыла мои пальцы. Я брезгливо поморщилась и резко отдернула руку.

– Не дождешься встречи со своим любимым муженьком? – язвительно спросил Валера. Кривая ухмылка несколько не красила его узкое продолговатое лицо с крючковатым носом.

– Мой любимый муженек – твой старший брат, если ты успел позабыть об этом. – Я с удовольствием вернула ему усмешку, который раз удивляясь тому, как не схожи два брата. Стас был высоким, широкоплечим, с красивым породистым лицом, а Валера... Не хотела бы я встретиться с обладателем такой физиономии в темном переулке.

– Мой брат дурак, что женился на тебе, – заявил он.

– Вряд ли Стасу понравится то, что ты считаешь его дураком, – парировала я.

Валера продолжал криво ухмыляться. Это он передо мной так хорохорится. Я-то знала, как он боится старшего брата. Даже больше чем отца, хотя и того даже в горячечном бреде не назовешь белым и пушистым.

– Моя бы воля, я не отпускал бы тебя из дома ни на шаг. Ты только прикидываешься невинной овечкой. Я предупреждал брата...

– Можешь радоваться, – перебила я его зло, – Стас последовал твоему совету, и теперь твои родные не спускают с меня глаз.

«Родные» стояли чуть поодаль. Свекор со свекровью, их дочь, а моя золовка, и Лида, Валерина жена. Внешне все очень разные и одновременно похожие друг на друга как две капли воды. На лицах печать властности, высокомерия, чувства собственной значимости. Впрочем, им есть чем кичиться. Мой свекор занимал один из ключевых постов в областной администрации. В политику он пришел из бизнеса. Крупного бизнеса. Когда денег становится слишком много, всегда хочется власти. Возжелал ее и мой свекор. Возжелал – и получил. Благо, связей было предостаточно, а денег еще больше. Свекровь пылинки сдувала со своего имени-того и удачливого мужа, а на остальной мир взирала свысока и с легким презрением. Впрочем, «легким» мягко сказано. Она искренне считала, что невестки, то есть я и Лида, должны им руки целовать за то, что они, Арсеньевы, снизошли до нас, смертных, и приняли в свою семью. Жена Валеры оправдала их ожидания и взирала на семейство Арсеньевых с трепетом и благоговением, хотя сама происходила из известной семьи: ее дед был академиком, отец – профессором, доктором медицинских наук, а мать руководила научно-исследовательским институтом. Я же не могла похвастаться ни знатностью рода, ни богатством: мой отец был мелким служащим, мама – домохозяйкой, единственной заботой которой было выжить на мизерную зарплату мужа, обути и накормить четырех детей. И, конечно, мама должна была благословлять небеса, когда к ее старшей дочери посватался сын самого Вениамина Арсеньева. Моего согласия никто не спрашивал. На мой палец надели жутко дорогое кольцо с бриллиантом в пять каратов (все подружки мне завидовали – ахали и охали при виде дорожущего украшения, я же мечтала избавиться от этой безвкусной вещицы и в конце концов запрятала ее в старенькую шкатулку, а свое нежелание носить колечко объяснила тем, что боюсь его потерять), и через месяц после помолвки я вышла замуж. Мне только что исполнилось семнадцать, и не прошло двух месяцев, как я окончила школу. Мечта поступить и учиться в столичном вузе так и осталась мечтой. Правда, высшее образование я все-таки получила: целых пять лет я числилась

студенткой какого-то вуза, порог которого так ни разу и не переступила, хотя, как явствовало из диплома (его занес к нам домой сам ректор университета), окончила факультет психологии дневного отделения университета.

Долгое время я никак не могла взять в толк, зачем Стас на мне женился. Вообще-то, я до сих пор этого не знаю. Никаких чувств ко мне у него не было, да и не могло быть, коли мы не были знакомы до помолвки, а в течение месяца, что она длилась, встречались от силы раз пять. В любовь с первого взгляда я не верила. Внешними данными я тогда похвастаться не могла, была скорее гадким утенком. В нашем роду девушки расцветали поздно. Я похорошела к двадцати годам, да так, что Стас, вернувшийся после трехмесячной командировки, меня не узнал. Как всегда при виде смазливового личика у него заблестели глаза и участилось дыхание. Пришлось тихо ему напомнить, что я не кто иная, как его суженная. Он искренне удивился и еще больше обрадовался. Кому не понравится иметь красавицу-жену, которой можно похвастаться перед друзьями и коллегами?! Однако друзья и коллеги не столько радовались за него, сколько завидовали. Хотя подозреваю, что зависть как раз и было тем чувством, которое хотел в них возбудить Стас. Зависть, но не вожделие. А они взирали на меня с откровенной похотью, что сводило моего муженька, оказавшегося редким ревнивцем, с ума. Пару раз дело дошло до разборок, закончившихся мордобоем. В результате мой муж потерял парутройку своих друзей. Потерять остальных он не захотел, потому перестал выводить меня в свет. Я должна была сидеть в четырех стенах и заниматься воспитанием нашего сына. Но и это важное дело мне не доверялось. Свекровь считала, что, будучи безмозглой курицей, я ничему хорошему своего сына, а их наследника, не научу. Так что к Данилке меня подпускали только раз в день на двадцать-тридцать минут, чтобы ребенок ненароком не забыл, что у него есть мама. Не зная, чем занять себя, я целыми днями слонялась без дела из одной комнаты в другую. Телевизор надоел, читать все время я не могла, к компьютеру меня не подпускали, разве что в нехитрые игры поиграть да пасьянс раскладывать. Муженек, уверовавший, что интернет окажет на меня тлетворное влияние, не разрешал входить во всемирную сеть, если только сам не присутствовал при этом. Вся моя жизнь свелась к тому, чтобы, встав рано утром, проводить мужа на работу, самой позавтракать, привести себя в порядок (свекровь требовала, чтобы мы, невестки, всегда выглядели так, будто собрались на прием к английской королеве), принять и развлечь гостей приятным разговором (приятный разговор сводился к пережевыванию косточек наших общих знакомых), встретить мужа с работы, проторчать перед телевизором, составив компанию свекрови, обожавшей мыльные оперы, и, поужинав в милом семейном кругу, отправиться с соизволения той же свекрови спать.

Раздражение копилось изо дня в день, и я боялась, что оно вырвется наружу в самый неподходящий момент. Наверное, что-то читалось в выражении моего лица, сквозило во взгляде, потому что свекровь, а иногда и свекор недоуменно спрашивали, чем я недовольна. Недовольной, по их мнению, я быть не могла. Я должна была каждый день, нет – каждый час, каждую минуту и каждую секунду благодарить Бога, что попала в их семью. Я должна была им ноги мыть и воду пить за то, что ни в чем не нуждаюсь, живу в достатке, в общем, катаюсь как сыр в масле. Однако моих благодарных молитв они не слышали, восхищения не чувствовали, раболепия перед ними я не выказывала, и это их откровенно злило.

«Ты неблагодарная», – периодически заявляла мне свекровь, надеясь услышать в ответ мои горячие возражения и заверения в вечной признательности, но я молчала, чем приводила ее в еще большее бешенство. Считая себя истинной аристократкой, она никогда не повышала тона и все гадости произносила ровным спокойным голосом с высокомерной властью, которая должна была, по ее мнению, внушать нам трепет. Возможно, сердечко ее младшей невестки и трепетало при очередном разборе полетов, а я если и боялась чего-то, то только того, чтобы не рассмеяться вслух и не высказать все, что я думаю о ней и всей ее милой семейке.

Конечно же, мне хотелось вырваться из золотой клетки, в которую меня заточили. Но как? Мой муж, в этом я не сомневалась ни минуты, никогда меня не отпустит. Я была его собственностью, а своей собственностью он никогда ни с кем не делился, тем более не стал бы добровольно от нее отказываться. Однажды я попыталась вырваться и, когда из этого ничего не вышло, решила прекратить все самым действенным образом – перерезала себе вены на руках. В тот момент мне действительно хотелось умереть, я была на волосок от смерти, но, увы, отправиться на небеса по собственной воле мне тогда не позволили.

И вот теперь Стас звал меня к себе, не желая, чтобы его собственность находилась вне его досягаемости. Он уже два месяца жил в Москве. Каким-то образом (впрочем, понятно каким: отец расстарался, подключив все свои немалые связи) он оказался в Генеральной прокуратуре в качестве следователя по особо важным делам. За это время он успел обзавестись двухуровневой квартирой в элитном доме, обставить ее мебелью, и теперь для полного счастья ему не хватало рядом жены. Он хотел, чтобы я летела в Москву самолетом, но я наотрез отказалась: в последний раз, когда я вынуждена была воспользоваться воздушным транспортом, самолет совершил аварийную посадку. Не хотелось бы еще раз испытать то, что довелось тогда. Я говорю не о страхе. Удивительно, но страха в те страшные, казалось бы, минуты не было – было странное спокойствие и даже равнодушие. Просто мне не хотелось еще раз стать свидетелем панического ужаса, охватившего пассажиров и членов экипажа. Мне даже было как-то неловко смотреть на них, и, чтобы не отличаться от других, я тоже принялась рыдать, кричать и причитать, чтобы Господь не позволил мне погибнуть в расцвете молодости и красоты.

Поездов я не выносила. Более всего меня в них угнетали запахи, какими бы комфортными ни были условия, ни есть, ни пить, ни спать в них я не могла. Валера предложил отвезти меня на своей машине, но я воспротивилась. Во-первых, я не хотела оказаться с ним наедине в таком маленьком пространстве, как салон автомобиля, пусть это и последняя модель «Мерседеса». Во-вторых, я не доверяла ему как водителю: я уже со счета сбилась, сколько машин он угробил и сколько раз в результате оказывался на больничной койке. Слава Богу, и Стасу эта идея по душе не пришлась. Не знаю, из каких соображений, но он не согласился с тем, чтобы его младший брат сопровождал меня. Иного варианта, как ехать на автобусе, не было. Свекру это не нравилось, не могло нравиться, мужу тоже. По их мнению, автобусом, как городским, так и междугородным, пользовался только низший класс, а уподобляться плебеям не стоило. Я же с трудом скрывала радость от того, что встреча с мужем оттягивается, и почти двое суток я проведу в относительной свободе. В относительной, потому что мне дали в сопровождение угрюмую особу лет сорока, которая там, в Москве, должна была исполнять обязанности нашей домработницы – как будто там, в столице, наблюдается острый дефицит в представительницах этой профессии.

Прощание с родственниками затягивалось. Они видели мое нетерпение и наверняка догадывались о моем желании поскорее от них избавиться. Но можно было не сомневаться: они никуда не уйдут, пока автобус не тронется с места. Они ведь не просто собрались проводить меня, а чтобы продемонстрировать всем и каждому, что они большая и дружная семья Арсеньевых.

Я с тоской осмотрелась по сторонам в поисках водителя. Когда же он, наконец, объявит, что пора трогаться в путь, и займет свое место?! Водитель, невысокий лысоватый мужчина неопределенного возраста – ему можно было дать и тридцать пять, и все пятьдесят, – встретился со мной взглядом, заметил мое нетерпение и заговорщицки подмигнул. Я постаралась незаметно кивнуть ему головой, но незаметно не получилось – наш безмолвный разговор не остался без внимания Валеры.

– Что, уже наводишь мосты? – с сарказмом проговорил он, наклонившись к самому моему уху. – Неужели даже водителями не брезгуешь?

Я резко отстранилась и прошипела:

– Отвали!

– Когда-нибудь мой братец поймет, какая шлюшка его жена.

– Ты просто завидуешь своему братцу, – ухмыльнулась я в ответ. – Думаешь, я не замечаю, как у тебя слюнки текут, стоит тебе взглянуть на меня?

Я проговорила это шепотом, но так, чтобы он услышал. При последних словах я заметила, как в его глазах бледно-голубого цвета сверкнуло бешенство. Чего доброго, сейчас закатит сцену. С него станется, он ведь безбашенный. Я снова метнула взгляд на водителя. Ну же, милый, давай загоняй нас всех в автобус! Словно услышав мою безмолвную мольбу, он отлепился от стены и зычным голосом позвал:

– Все, пора трогаться. Всем по местам!

Я вздохнула с облегчением. Выслушав последние наставления свекра и свекрови, я торопливо попрощалась с ними (увы, не обошлось без притворно горячих объятий и поцелуев) и поднялась в салон. Пассажиры суетливо занимали свои места. Мое кресло оказалось с левой стороны у окна, я затолкала сумку под сиденье и с удобствами устроилась в кресле. Сима, что-то тихо бурча себе под нос, заняла место рядом. В самую последнюю минуту, когда автобус уже тронулся с места, в салон на ходу заскочил молодой человек в джинсах и красной футболке с рюкзаком за спиной. Повертев головой по сторонам, он направился к нам, остановился возле Симы и, чуть замешкавшись, занял кресло напротив меня. Рюкзак, небольшой, но явно тяжелый, он спрятал под сиденье.

Не зная, чем занять себя, я принялась его разглядывать. У молодого человека была ничем не примечательная внешность. Черты худощавого лица были правильные, но какие-то незапоминающиеся, стертые. Простоватое лицо, вот только взгляд – цепкий, внимательный, сосредоточенный. Впрочем, стоило ему повнимательнее в меня взглядеться, как его губы тут же растянулись в улыбке, а в глазах появился восторженный блеск. Я поразилась тому, как улыбка вмиг изменила его лицо. Теперь простоватым его никак нельзя было назвать. Ничем не примечательным тоже. Он словно хамелеон сбросил одну личину и надел другую. Теперь это был приятный, довольно симпатичный мужчина с обаятельнейшей улыбкой на устах. Я даже обалдела немного.

– Куда, красавица, путь держим? – обнажив в улыбке все тридцать два зуба, поинтересовался он.

– В Москву, – неохотно отозвалась я.

– И как же ваш муж, – он кивнул на обручальное колечко на моем безымянном пальце, – отпустил вас одну?

– А я не одна, со мной... – я долго подбирала подходящее слово для той роли, которую выполняла моя соседка слева, и наконец нашла: – ...моя компаньонка.

– Компаньонка? Какое красивое слово! Небось, из дамских романов почерпнули? – В его голосе звучала добродушная ирония.

– Вот не думала, что мужчины вашего сорта читают любовные романы. – Я вернула ему ироническую улыбку.

– Моего сорта? Это какие же?

– Молодые, дерзкие, уверенные в себе и собственной неотразимости, которым палец в рот не кладут.

– Так я неотразим? – приподнял он в веселой усмешке бровь.

– Я так не говорила. Это вы считаете себя неотразимым.

– А вам нравятся неуверенные в себе мужчины?

– Мне никто не нравится.

– Кроме вашего мужа?

– Кроме моего мужа, – подтвердила я ровным голосом.

– И где этот счастливчик?

- Ждет меня в Москве.
- Так вы к нему направляетесь? А он не боится, что по дороге вас украдут?
- А меня могут украсть? – удивилась я.
- Конечно. Будь я вашим мужем, я бы ни на шаг не отпускал вас от себя.
- В таком случае я могу только порадоваться, что я не ваша жена.
- А мне, напротив, очень жаль.

Он болтал без умолка. В какой-то момент я перестала его слушать. Прикрыв глаза, я думала о том, что меня ждет в Москве. Признаться, ничего хорошего от будущего я не ожидала. Особых перемен тоже. Все те же четыре стены, только не в большом трехэтажном особняке Арсеньевых, а в двухуровневой московской квартире. Не думаю, что мой муж позволит мне работать. Зная его ревнивый характер, я не удивлюсь, если утром, уходя на работу, он станет закрывать дверь на замок, а ключ забирать с собой, не давая мне возможности куда-нибудь выйти. И единственный живой человек, которого я буду видеть в течение дня, это Сима, а от ее постного лица меня воротило уже сейчас. Я мысленно вздохнула. В большой и шумной Москве меня не ждет ничего нового: те же телевизор, книги, ужин вдвоем, редкие выходы в свет. Даже ребенка рядом нет. Свекровь не позволила забрать Данилу с собой. Она убеждена, что с бабушкой и дедушкой ему будет куда лучше, чем со мной и отцом.

– Ау, красавица, где витают ваши мысли? – услышала я словно издалека голос своего визави. – Вы меня не слушаете.

– Да нет, слушаю, – вяло возразила я.

– Кстати, почему вы путешествуете автобусом? Судя по вашему дорожному костюму, который тянет на пятьсот баксов, если не больше, вы должны летать самолетом, причем не эконом, а бизнес-классом.

– Хочу быть ближе к народу.

Молодой человек от души расхохотался.

– С колечком на пальце, продав которое простой парень вроде меня сможет безбедно просуществовать целый год?

Я взглянула на колечко на мизинце с бриллиантом размером в крупную горошину. Оно действительно стоило кучу денег. Мой муж на радостях подарил его в день рождения нашего сына.

– Это не бриллиант, – соврала я. – Это синтетический материал, фианит.

– Что вы мне голову морочите? Думаете, я не могу отличить настоящий камень от подделки?

– Странно, откуда такой простой парень, как вы, знает толк в бриллиантах?

Я внимательно взглянула на него. В этот момент солнечный лучик упал ему на лицо, и при ярком свете стали заметны морщинки возле глаз и губ, линия подбородка показалась резче, а глаза... У него были глаза человека много повидавшего на своем веку, и уверена, что далеко не все из увиденного ему пришлось по вкусу.

– У меня много талантов. Отличать оригинал от подделки – один из них. О других моих достоинствах вы сможете узнать чуть позже.

– Не думаю, что за неполные двое суток, что мы будем находиться вместе, мне удастся многое о вас узнать.

– Может, нам предстоит куда более долгий путь? – вкрадчиво произнес он. – Неисповедимы пути Господни.

Я пожалала плечами. Вряд ли наши пути снова сойдутся. Меньше чем через двое суток мы будем в Москве, а там... Я и не догадывалась, что меня ждет впереди, что путь в столицу окажется очень долгим и непростым.

– 2 –

Если бы я знала, каково ехать в автобусе, сидя неподвижно на одном месте несколько часов кряду, то плюнула бы на свои фобии и согласилась лететь самолетом или даже поехать поездом. Через три часа спина затекла, ноги словно налились свинцом, голова загудела, как медный котел. Вот бы встать, размять руки и ноги, пройтись немного. Когда, черт возьми, будет первая остановка? Через час? Два? Нет, столько я не выдержу. Я встала, сделала пару приседаний и, держась за поручни, пропутешествовала в конец салона. Никто не обращал на меня внимания. Одни спали, откинув головы на спинки сидений, другие читали книжки или пролистывали глянецовые журналы, третьи разгадывали кроссворды, четвертые тихо разговаривали... Только мужчина лет пятидесяти пяти в старом потертом пиджаке ничем не был занят. Он не читал, не смотрел в окно, ни с кем не разговаривал. Из-под полуопущенных тяжелых век он зорко взирал вокруг, словно выискивал что-то или кого-то. Что-то было в его глазах, грубых чертах лица. Беспокойство, тревога, опасение, страх? Нет, не страх. Но настороженность, несомненно, была. Он будто чего-то опасался или чего-то ждал. Подушечками толстых пальцев он медленно перебирал четки из янтаря и беззвучно шевелил толстыми губами. Мужчина заметил интерес к своей персоне и мазнул по мне таким холодным и жестким взглядом, что сердце ухнуло в пятки, а потом поскакало куда-то со страшной скоростью. Мерзкий холодок пробежал по спине, точно ее коснулись тяжелой ледяной когтистой лапой, все тело тут же покрылось мурашками так, словно меня в одном белье выставили на мороз. Я попятилась назад и торопливо вернулась на свое место. Поерзав на сиденье, я оглянулась и снова встретилась глазами с пожилым мужчиной. Взгляд по-прежнему был настороженным, а губы продолжали безмолвно шевелиться. Он что, боится? Кого или чего? Не меня же! Мне даже захотелось снова встать, подойти к нему и тихо прошептать на ухо, что здесь, в салоне автобуса, ему нечего и некого опасаться. Особенно меня. Интересно, как он отреагирует, если я так и сделаю? Уж точно не обрадуется. Или сочтет меня ненормальной. Второе вернее.

– Чем вас так привлек этот старик? – поинтересовался молодой человек, имени которого я до сих пор не удосужилась узнать.

– Лучше спросите, чем я так привлекла его внимание.

– Ну, это-то понятно. Вы самая красивая девушка, которую я когда-либо видел в своей жизни, – с самым серьезным видом заявил он и добавил: – И сомневаюсь, что увижу впредь.

– Вы молоды, и впереди у вас годы и годы жизни, так что поверьте: вам обязательно повезет, и вы еще встретите на своем пути много красивых женщин, – вежливо проговорила я. Молодой человек напустил в глаза побольше грусти.

– Разве мы можем знать, сколько Господь отмерил нам на этой грешной земле? Может, я умру уже завтра и вы будете последней красивой девушкой, которую я вижу.

Моя соседка слева фыркнула, и я удивленно воззрилась на нее. Сима тут же приняла серьезный вид.

– Почему так мрачно? – перевела я взгляд на своего собеседника.

– Чего от вас хотел этот старик? – не отвечая на мой вопрос, настойчиво спросил он.

– Ничего он от меня не хотел! Только... – Он вопросительно посмотрел на меня, и я продолжила: – У него очень неприятный взгляд. Я словно споткнулась об него.

– А мне показалось, что старик пытался вам что-то сказать,

– Нет, он просто беззвучно шевелил губами, перебирая четки, как будто читал молитву.

– Ладно, не будем о нем. – Он взглянул в окно, за которым простиралось чистое поле, и чертыхнулся вслух: – Черт, когда, наконец, остановится эта колымага и мы сможем подышать свежим воздухом?

Мы смогли это сделать через два часа. Сима не отходила от меня ни на шаг, ходила за мной как привязанная. Неужели я теперь и шагу не смогу ступить без ее назойливого внимания? Я откровенно игнорировала её присутствие, словно её нет, словно она – пустое место, но, странное дело, это нисколько её не задевало и не смущало. Следующая остановка была через пять часов. Они не показались мне особо долгими, скорее наоборот, пролетели очень быстро. Марк, так звали моего нового знакомого, откровенно флиртовал со мной, включив все свое обаяние. Я ничего не имела против, благодарная ему за легкий, ни к чему не обязывающий флирт. Если бы не Сима, которая время от времени давала о себе знать то мычанием, то фырканьем, то каким-нибудь словечком, сказанным мрачным и недовольным голосом, я поверила бы, что жизнь прекрасна.

Погода за окном тем временем портилась. Резко похолодало, и за спиной женский голос пожаловался:

– Что-то мне холодно, а теплых вещей я с собой не взяла. Не заболеть бы.

Я обернулась. Прямо за мной сидела девушка приблизительно моих лет и такого же телосложения. Нагнувшись, я вытянула из-под сиденья сумку, извлекла из нее теплый вязаный жакет и протянула озябшей девушке.

– Возьмите, согреетесь, – предложила я.

– А как же вы? Вам самой не холодно? – спросила девушка, но, помедлив, приняла из моих рук жакет.

– Я люблю холод, – отозвалась я и на ее «спасибо» просто кивнула головой.

Когда автобус остановился в следующий раз, Марк вскочил с места, подмигнул мне и направился к водителю. С минуту они о чем-то тихо переговаривали, потом Марк вернулся ко мне и, наклонившись к самому уху, прошептал:

– Сейчас водитель отвлечет внимание Симы, и мы быстренько смоемся.

– Куда? – не поняла я.

– Неужели тебе нравится двадцать четыре часа в сутки находиться под неусыпным взором этой угрюмой надзирательницы? – насмешливо спросил он.

Я неопределенно пожала плечами, заметив, что он перешел на «ты».

– А я думал, что ты давно большая девочка.

– Я большая девочка, – подтвердила я.

– Тогда... Автобус будет стоять минут двадцать, мы успеем отойти подальше от чужих любопытных глаз.

Я выскочила из салона вслед за ним, спряталась за угол продуктового магазина и оттуда наблюдала за тем, как водитель жестом подзывает к себе Симу и что-то ей быстро говорит. Та молча слушала и беспрерывно вертела головой по сторонам, разыскивая меня. Я выступила из тени, помахала ей рукой, и Сима, успокоившись, переключила внимание на мужчину, которому вдруг отчего-то захотелось с ней поговорить. Кажется, он ей нравился. По крайней мере, с её лица исчез неприступный вид, а на губах даже появилось подобие улыбки.

Воспользовавшись моментом, Марк схватил меня за руку и повел в сторону торговых рядов, которыми всегда изобилуют стоянки автобусов и большегрузных машин. Однако к торговым рядам, где предлагали разную снедь, мы подходить не стали, а завернули за угол. Я вскинула голову и на какой-то миг замерла. Передо мной раскинулся красивый ухоженный сад, ничем неогороженный, с большими яблоневыми деревьями, на которых было столько яблок, что ими, пожалуй, можно было накормить население маленького городка.

– Хочешь попробовать на вкус? – спросил Марк, останавливаясь под старой яблоней и хитро поглядывая на меня. Не дожидаясь моего ответа, он сорвал с дерева большое спелое яблоко и протянул мне.

Марк смотрел, как я обтираю золотистый, медово пахнущий плод о джинсы (видела бы моя свекровь, как я ем немытое яблоко, пришла бы в ужас), откусываю и с удовольствием хру-

паю сочную свежесть, со странным выражением лица, его потемневший взгляд был прикован к моим губам. Сейчас он меня поцелует, поняла я. Меня еще никто, кроме мужа, не целовал, и мне вдруг стало интересно, каково это, когда тебя целует чужой, почти незнакомый мужчина. Его губы поначалу были твердыми, даже грубыми, потом сделались теплыми, нежными и мягкими, как бархат. Надо отдать должное, Марк умел целоваться. Мне было приятно, но и только, я не дала ему зайти слишком далеко. Слегка задыхаясь, я отстранилась от него.

– Надо поторопиться, как бы автобус не отъехал без нас, – сказала я и дотронулась пальцами до припухших от поцелуев губ.

– Пусть себе едет, – хриплым голосом прошептал он и небрежно махнул рукой. – Давай останемся здесь.

Марк опять полез целоваться, я была не против, но через несколько минут вновь напомнила, что нам пора идти. Он и на этот раз отмахнулся, однако я не позволила снова себя обнять.

– Если ты совсем потерял голову, – хмыкнула я, – то у меня она на месте. Пойдем, – позвала я и первой двинулась в сторону автозаправочной станции, неподалеку от которой встал наш автобус.

Пассажиры давно расселись по своим местам, водитель тоже находился в кабине, только Сима стояла в открытых дверях и высматривала кого-то. Понятно кого. Меня. Увидев нас, она облегченно вздохнула, крикнула, чтобы мы поторапливались, а сама поднялась в салон.

– Поспешим, – сказала я и оглянулась на Марка, который плелся позади. Он как будто не слышал меня, замедлил шаг, извлек из кармана мобильник и начал тыкать большим пальцем по клавиатуре.

– Нашел время разговаривать по телефону, – проворчала я. – Нас ждут.

– Ничего, подождут, – буркнул он.

Рука с мобильником опустилась.

– Иди сюда! – попросил – нет, потребовал он.

Завороженная его взглядом и властным голосом, я успела сделать два шага по направлению к нему, как вдруг за спиной раздался взрыв чудовищной силы. Я попыталась обернуться, но в следующую секунду взрывной волной меня подхватило и швырнуло на три метра, не меньше. Кажется, на какой-то миг я потеряла сознание, а когда открыла глаза, увидела склоненное над собой лицо Марка. Оно было немного бледным, но нисколько не встревоженным.

– Как ты? Жива? – одними губами спросил он и уже громче поинтересовался: – Ты сможешь самостоятельно встать и идти?

Я пошевелила пальцами рук и ног. Кажется, все цело. Я с трудом поднялась, опираясь на руку Марка, оглянулась и в ужасе застыла. Там, где минуту назад стоял наш автобус, бушевало пламя. Горели и несколько легковушек и большегрузных машин, припаркованных рядом. Со всех сторон слышались стоны, крики, кто-то звал на помощь.

– Что случилось? – выдохнула я, ничего не понимая.

– Автобус взорвался, – спокойно объяснил Марк. Совсем близко я увидела его глаза, они ничего не выражали, совсем ничего.

– Нужно идти, спасти людей. – Я было рванула туда, где бушевало пламя, но он удержал меня за руку.

– Не глупи: в этом огне никто не выживет.

– То есть как никто? – пошевелила я губами. – А Сима? – при всем раздражении, которое она у меня вызывала, я не хотела, чтобы она пострадала.

– Нет больше Симы. Никого нет. – Марк схватил меня за плечи, встряхнул, пытаясь привести в чувство. – Надо бежать отсюда, пока не прибыла полиция.

Я ничего не соображала, думая только о том, что людей, с которыми я ехала в одном автобусе почти сутки, нет в живых.

– Мы единственные, кто остался жив, – быстро проговорил он. – Ты представляешь, сколько вопросов будет к нам? Еще подозревать начнут. Так что лучше сматываться отсюда поскорее, пока никто не обратил на нас внимания.

Заграбастав мою руку, он почти силой поволок меня к трассе. Здесь уже выстроилась целая вереница автомобилей. Водители останавливались, выходили из своих машин и заворожено смотрели на пламя, пожирившее все вокруг.

– Через несколько минут здесь будет полным-полно полицейских и пожарных, – услышала я голос Марка. – Лучше, если никто не узнает, что мы тоже ехали этим автобусом, иначе проблем не оберешься.

Я пыталась возразить, но он взглядом потребовал, чтобы я молчала. Не выпуская моей руки, он шел вперед, пока не остановился возле трех мужчин, громко обсуждавших происшедшее.

– Я еще издали услышал взрыв, – сказал один. – Громыкнуло так, что уши заложило.

– Интересно, кто-нибудь выжил? – спросил другой, пристально вглядываясь в то, что происходило в нескольких десятках метров от него. – Хотелось бы думать, что да.

– Да кто выживет в таком огне?! – возразил третий. Увидев нас, он живо поинтересовался: – Вы видели что-нибудь?

– Нет, – покачал головой Марк. – Мы тоже, как и вы, проезжали мимо. Остановились, услышав взрыв. Моя девушка до сих пор не может прийти в себя. Она просто в шоке. – Он кивнул на меня.

– Неудивительно. Интересно, сколько человек погибло? Автобус был пуст или заполнен людьми?

Вопрос был риторический, но мужчина говорил, глядя на меня, и я уже собиралась ответить, что в автобусе не было ни одного свободного места, когда Марк наступил мне на ногу, заставив тихо вскрикнуть от боли.

– Будем надеяться, что там никого не было и никто не пострадал, – сказал он, обнял меня за плечи и заботливо произнес: – Да ты вся дрожишь, милая. Нам лучше уйти отсюда. Это зрелище не для женских глаз. Тем более не для такой впечатлительной девушки, как ты.

– Да уж, – проворчал один из зевак, – зрелище не для слабонервных. Мы тоже сейчас двинемся дальше. Кажется, наша помощь не потребуется. Здесь уже никому не поможешь.

Я покорно шла рядом с Марком, все еще во власти случившегося. Возле серой «девятки», примостившейся у обочины, мой спутник остановился, открыл дверцу и втокнул меня внутрь.

– Чья это машина? – додумалась спросить я.

– Какой-то дурак бросил ее посреди дороги, а сам, наверное, побежал смотреть на полыхающий автобус.

– Мы что, угоняем ее? – вытаращила я глаза.

– Ага, – спокойно кивнул он, словно в его действиях не было ничего необычного и он проделывал такое сотни раз. – Ключ в зажигании, грех не воспользоваться этим.

Через час мы были далеко от места происшествя. Я медленно, но верно приходила в себя. Голова постепенно прояснилась, и тут же возникли вопросы, на которые я хотела немедленно получить ответы.

– Куда мы направляемся? – это первые слова, которые я произнесла за прошедший час.

– В какой-нибудь городок, где нас не найдут.

– А нас будут искать?

– Не думаю. Для всех мы мертвы – так же, как и другие пассажиры автобуса.

– Я тоже?

– Ты тоже.

– Но мой муж, мои родные должны знать, что я жива.

– А ты хочешь, чтобы они знали? – Он обернулся и пристально посмотрел на меня.

– Что ты хочешь этим сказать? – не сразу отреагировала я.

– Что у тебя есть уникальная возможность начать жизнь с чистого листа. Никто не знает, что ты жива, никто не будет тебя искать. Ты можешь начать все сначала.

– А с чего ты взял, что я хочу изменить свою жизнь? – вскинула я голову.

– Я не слепой. И я видел, что ты несчастна.

– Ты ничего обо мне не знаешь.

Он засмеялся и покачал головой.

– Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: тебе не нравится жизнь, которую ты ведешь, и люди, которые тебя окружают. Теперь ты можешь все изменить.

– Мои родные... – Я закрыла глаза и откинулась на спинку сиденья. – Я не хочу причинить им горе.

– Весомый аргумент. Но ты хотя бы попробуй, возможно, такого шанса у тебя больше никогда не будет.

– Змей-искуситель. – Я открыла глаза и зло посмотрела на него.

– Так и есть, – хмыкнул он, повернул голову и весело взглянул на меня.

Я молча отвернулась и услышала язвительное:

– Ну, хорошо, отправляйся к нелюбимому мужу и живи так, как жила до сих пор. – Он помолчал, а когда заговорил снова, его голос был мягок и вкрадчив: – Возвращайся – и всю жизнь будешь задаваться вопросом, а как бы оно было, если бы тебя сочли погибшей.

– Змей-искуситель, – повторила я и снова закрыла глаза.

Искушение было велико. Мне давно хотелось вырваться из тех невидимых глазу цепей, в которые меня заковали люди, якобы желавшие мне добра. Мне опостылела моя жизнь, мне опостытели люди, окружавшие меня. Но больше всего мне опостылел мой муж. В Стасе меня раздражало все: как он ест, как пьет, как двигается, как говорит. Я с трудом выносила его прикосновения, ласки. Я готова была орать во все горло от отвращения, когда он дотрагивался до меня, и иногда действительно громко кричала. Я кричала от отвращения, а он думал – от страсти, и я могла только удивляться тому, что при всей своей пронизательности он не догадывается о том, как я его ненавижу. Я хотела уйти от него и однажды прямо заявила ему об этом. Стас долго не мог понять, о чем я говорю – ему и в голову не приходило, что я захочу его бросить, а, поняв, расвирепел так, что я подумала: пришел мой последний час, сейчас он меня убьет. Он так и заявил: «Скорее я убью тебя, чем позволю уйти». Позже, поразмыслив над моими словами, он пришел к выводу, что я не просто хочу уйти, а уйти к другому. Целый месяц он выпытывал у меня, кто тот человек, из-за которого я хочу его оставить. Мне с трудом удалось убедить его, что такого человека не существует. Кажется, он так мне до конца не поверил. Меня и так донельзя опекали, а тут вообще спасу не стало. Долгое время мне не разрешалось даже за порог дома выходить. Если муж и брал меня куда-то с собой, то следил за каждым изменением в выражении моего лица, на кого и как я смотрю, что и кому говорю. Дошло до того, что я вообще перестала открывать рот и, находясь в обществе, сидела, либо уставившись в тарелку перед собой, либо рассеянно глядя в окно. Муженек успокоился только через полгода. Я больше не заикалась о своем желании уйти, уверенная, что он из-под земли меня достанет и выполнит свою угрозу – убьет не поморщившись. А теперь у меня была возможность без потерь уйти от него. Впрочем, потери были. Моя мама и сестры будут думать, что я мертва. Будут ли они страдать от этой мысли? Сестры откровенно мне завидовали. Они не были красивы, как я, и свое замужество, в отличие от моего, удачным не считали. Узнав, что я мертва, они, возможно, и всплакнут, но долго горевать не будут. А мама? С рождением каждого последующего ребенка она теряла часть здоровья, так что особой радости мы, дети, в ее жизнь не привнесли. К сорока пяти годам ее здоровье окончательно пошатнулось. Из нее словно выжали все жизненные соки, и теперь ее ничто не занимало: ни ее муж, ни дети, ни внуки, ни она сама. Она словно оцепенела, равнодушно взирая на происходящее вокруг и не желая

в нем участвовать. Если моя смерть и выведет ее из оцепенения, то только на короткое время. Отец последнее время много пил, так что наверняка найдет утешение на дне бутылки. Что касается родственников мужа, то для них я по-прежнему, даже спустя много лет, оставалась чужой. Долго оплакивать меня они не станут. Скорее почувствуют облегчение и возьмутся еще больше опекать моего сына, который как две капли похож на своего отца. Станет ли Данила тосковать по маме? Приходилось признать: мой сыночек больше привязан к бабушке, чем ко мне. О муже думать не хотелось. Главное – чтобы он поверил, что меня нет в живых. Я поймала себя на мысли, что согласилась отринуть прошлое и начать новую жизнь, где не будет людей, которые так много значили в моей прошлой жизни и которые «меня истерзали и сделали смерти бледней – одни своей любовью, другие – враждой своей». Почему-то на память пришли стихи Гейне, и я медленно, безо всякого выражения прочитала их вслух.

– Что тебя на лирику потянуло? – в голосе Марка слышалось недоумение.

– Не знаю, – пожалала я плечами.

– Ну, так что ты решила? – через некоторое время поинтересовался он, с любопытством глядя на меня.

– Была – не была! – с беспечностью, которую вовсе не ощущала, сказала я. – Начну жизнь заново и погляжу, что из этого получится.

– Вот это по-нашему! – поддержал он меня.

Мне показалось или нет, что он облегченно вздохнул?

– А если ничего не получится, всегда можно вернуться.

– Как ты это себе представляешь? – усмехнулась я. – Заявлюсь через пару лет и скажу: «Вот я, прошу любить и жаловать»?

– Всегда можно что-нибудь придумать. К примеру, у тебя была амнезия, а теперь ты все вспомнила и вернулась.

– Ты насмотрелся сериалов, – фыркнула я.

– Ну почему же? В жизни и не такое случается, – философски заметил он.

– Может быть. Но уж какими, а легковверными ни моего мужа, ни его родственников не назовешь.

– Уверен, твой муж простит тебе все, одурев от счастья при одной мысли, что ты снова с ним.

В это мне верилось с трудом, но делиться своими сомнениями с Марком я не стала. Вместо этого я спросила:

– Не боишься, что владелец автомобиля уже заявил в полицию об угоне и нас теперь ищут? Стоит сообщить постам ГАИ...

– Не бойся, никто нас не остановит.

Он проявлял странную беспечность, и я так ему и заявила.

– А я везучий, – сверкнул он глазами.

– Хочется в это верить, – пробурчала я.

– Уж поверь. Моя покойная мать всегда говорила, что я в рубашке родился. Примеров уйма. Вот самый свежий: я мог оказаться в автобусе, когда прогремел взрыв, но этого не случилось. А ведь это ты спасла меня. Если бы я не решил приударить за тобой...

– Я могу сказать то же самое о себе. Если бы ты не увел меня подальше от места стоянки...

– Будем считать, что мы оба в рубашке родились.

Ни думать, ни говорить о том, что нас ждет впереди, не хотелось. Хотелось свернуться калачиком в теплой мягкой постели и заснуть. Видимо, он угадал мое состояние, потому что сказал:

– Сейчас мы въедем в какой-нибудь городок, найдем гостиницу и завалимся спать. Тебе следует хорошенько отдохнуть, да и мне это не помешает.

Гостиница оказалась маленькой, но уютной и чистенькой. Марк взял один номер на двоих, я было воспротивилась, но он заявил, что нам лучше держаться вместе. Машину он бросил при въезде в город, до гостиницы мы добирались на такси. Гостиничный номер состоял из квадратной комнаты, большую часть которой занимала двуспальная кровать, а также ванной и балкона, выходящего на оживленную улицу. Первой душ принимала я. Я долго стояла под горячими струями воды, смывая с себя не только дорожную пыль, но и усталость этого долгого и, возможно, судьбоносного для меня дня. После всего пережитого я думала, что не смогу уснуть, но стоило мне положить голову на подушку и закрыть глаза, как я тут же провалилась в глубокий сон и уже не видела, как ложился в постель Марк. Проснувшись я от того, что кто-то тряс меня за плечи. Я с трудом разлепила глаза и встретила взглядом с Марком.

– Тебе приснился кошмар, – объяснил он. – Ты кричала во сне.

Я провела ладонью по лицу. Кожа была влажной от пота, а майка неприятно липла к телу. Наволочка на подушке тоже была влажной, простыня смята и холодна на ощупь

– Что тебе снилось?

Я не сразу смогла произнести:

– Автобус, объятый пламенем, крики и стоны людей. Еще я чувствовала запах горелого мяса. – Я закрыла глаза, заново переживая случившееся.

– Ну-ну, успокойся! Все позади. Главное – мы живы. – Он протянул руку и убрал прилипшую прядь волос с моего лба. – Тебе лучше принять душ, а я попрошу горничную сменить постельное белье.

Я с трудом встала на ноги, но смогла сделать только два шага. Голова закружилась, перед глазами замелькали черные круги, и я бы упала на пол, если бы Марк не подхватил меня на руки.

– Все вы, барышни, одинаковые, – засмеялся он, – чуть что – сразу в обморок.

Он отнес меня в ванную комнату, помог раздеться, усадил в ванну и открыл горячую воду. Странно, ни стыда, ни смущения я не испытывала, словно знала Марка не несколько часов, а всю жизнь. Его руки были сильными, теплыми и нежными, когда он намыливал мне голову, спину, руки. Потом он насухо вытер меня, облачил в банный халат, снова подхватил на руки и понес в комнату. Затем исчез на несколько минут и вернулся, неся в руках стопку чистого белья.

– Нечего тут делать горничной. Я сам справлюсь, – пробормотал он и в считанные секунды сменил простыню и наволочки.

– Теперь можешь ложиться. Залезай в постель, – предложил он.

Я не спешила следовать его совету, свернувшись клубочком в кресле. Он вопросительно взглянул на меня, что-то пробормотал себе под нос, через секунду оказался рядом и приблизил ко мне свое лицо.

– Кажется, тебе нравится, когда тебя носят на руках, – улыбнулся он краешками губ, сгреб меня в охапку и перенес на кровать.

Я уткнулась лицом в подушку, закрыла глаза, но сон не шел.

– Хватит думать о том, что сегодня произошло, – услышала я ворчливый голос Марка. –

В этом нет твоей вины.

– Не получается не думать, – с горечью прошептала я.

– Хочешь, научу?

Я молча кивнула.

– Это очень просто.

Он повернул меня к себе. Я почувствовала на своей щеке его пальцы, потом они переместились к моим губам, подбородку, шее, спустились на грудь и остановились.

– Говорят, после пережитой вместе физической опасности людей неудержимо тянет размножаться, – усмехнулась я.

– Верно говорят, – поддакнул он. – Подсознание просто требует продолжения рода. А подсознание, как известно, мудрая штука.

– Ладно, давай его слушать.

Может, физическая близость с Марком действительно заставит меня забыть все, что принес с собой этот страшный день? Я не узнаю об этом, пока она, эта близость, не станет свершившимся фактом. Через несколько минут все мысли оставили меня, и засыпала я в состоянии, близком к райскому блаженству.

– 3 –

Проснулась я рано, и первой моей мыслью было: я начинаю новую жизнь, у меня нет прошлого, есть только настоящее и будущее. И все же, как бы ни силилась, я не могла не думать о том, что произошло вчера. Случайно ли мы с Марком не оказались в автобусе во время взрыва или?.. Вот это «или» меня и беспокоило. Если это не случайность, то наводит на очень тревожные мысли. Я повернула голову и нехотя открыла глаза. Марк крепко спал, закинув руки за голову. Облокотившись на подушку, я внимательно изучала его лицо. Оно выглядело бы по-мальчишески юным, если бы не мелкие морщинки вокруг глаз и суровые вертикальные складки возле четко очерченного рта. Кто ты, Марк? Простой парень, за которого себя выдаешь, или нечто другое? Одежда на тебе недорогая, чего не скажешь об обуви. Человек, который хоть сколько-нибудь разбирается в ней, сразу поймет: она не просто дорогая, а очень дорогая, ручной работы. И часы. Часы на твоей руке стоят уйму денег, простому служащему, учителю или врачу не заработать на них, даже если они будут вкалывать всю жизнь. Нет, ты не так прост, как кажешься или хочешь казаться. И если признать, что нам не просто посчастливилось остаться в живых, значит человек, с которым сегодня ночью я занималась любовью, имеет прямое отношение к взрыву. Я закрыла глаза. Нет, думать об этом не хотелось. Неужели можно запросто взорвать автобус, полный пассажиров, и вести себя так, словно ничего страшного не произошло? Каким же бесчувственным чурбаном надо быть! Или... или ему не внове заниматься этим? Я снова открыла глаза и взглядела в спящего мужчину. Ничем непримечательное незапоминающееся лицо. Если только сам Марк не захочет, чтобы его заметили, запомнили.

– Ну как, нагладелась?

От неожиданности я вздрогнула. Я и не заметила, что уже несколько секунд Марк из-под полуопущенных век наблюдает за мной.

– Ага, нагладелась. – Я постаралась скрыть смущение и тревогу.

– Ну и как? – Он оперся на локоть, развернувшись ко мне, и весело взглянул на меня. – Гожусь?

– Гожусь на что?

– В любовники такой красавицы, как ты.

– Вот бы не подумала, что ты комплексуешь! – фыркнула я.

– Комплексую? Да нет. Просто подумал, не страдаешь ли ты снобизмом?

– Если ты о том, будто слишком прост для меня, то скажу: ты не так прост, как хочешь казаться.

– Это хорошо или плохо?

– Еще не знаю. Только и я непроста. Если ты подумал, что я вдруг поверю во внезапно вспыхнувшую страсть и любовь с большой буквы, то должна тебя разочаровать: я вовсе не романтическая дура.

Я поднялась, накинула банный халат, отыскала пульт от телевизора и нажала на кнопку включения.

– Зачем тебе телевизор? – спросил он, лениво потягиваясь.

– Хочу послушать последние новости. В них наверняка расскажут о вчерашнем взрыве.

– Ты забыла, что начала новую жизнь? Зачем тебе ворошить прошлое?

– Надо кое-что выяснить.

– Что именно?

В его голосе мне почудилось – или нет? – напряжение.

– Хотя бы то, считают ли меня погибшей во время взрыва.

Я взглянула на часы. Без двадцати восемь. До начала утренних новостей я успею принять душ и заказать завтрак в номер: вчера вечером мы едва перекусили, так что я чувствовала зверский голод.

Марк так и не встал с постели, но, как только пошли новости, он открыл глаза и уже не отрывал взгляда от экрана телевизора. Взрыв автобуса оставался темой номер один. Новостная программа как раз и началась с сообщения о вчерашней трагедии. Ведущий подобающим случаю печальным голосом сообщил, что точное число убитых неизвестно. Цифры еще уточняются, но одно ясно: выживших нет и быть не могло. От большого междугороднего комфортабельного автобуса остались груды искореженного металла. Причем передняя часть автобуса пострадала значительно больше, чем задняя, и, скорее всего, вещал диктор, взрывное устройство было установлено под сиденьем в первом либо во втором ряду. Сила взрыва была эквивалентна пятидесяти килограммам тротила. Возбуждено уголовное дело по статье «Терроризм». В городок поблизости от места происшествия съехались родственники погибших при теракте. Им, как утверждал ведущий, оказывается необходимая медицинская и психологическая помощь.

Когда крупным планом показали моего свекра, я тяжело вздохнула. Неудивительно, что он прибыл одним из первых. Выражение его лица, когда он отвечал на вопросы корреспондента, было скорбным. Печальным голосом он сообщил, что в результате взрыва погибла его любимая невестка и это большая трагедия для всей его семьи, в особенности для старшего сына. Я только успела мысленно спросить: «А сынок-то где?», как на телеэкране появилось бледное лицо моего мужа. Нетрудно было догадаться, что он провел тревожную бессонную ночь. Глаза воспалены, губы плотно сжаты, небритая щека дергается. Она у него всегда дергается, когда он нервничает. Он не позволил молоденькой журналистке выразить ему соболезнование, резко перебил ее и произнес слова, от которых я разинула рот от удивления и, не удержавшись на ногах, рухнула в кресло, к счастью, оказавшееся за спиной.

– Моя жена не погибла. Она жива.

– Вы думаете, она могла остаться в живых в результате такого мощного взрыва? – растерянно спросила журналистка.

– Я понимаю, что выжить после такого взрыва невозможно, но это в том случае, если она находилась в автобусе.

– У вас есть основания думать, что там ее не было? Вы связывались с ней?

– В последний раз, когда я звонил ей на мобильник, она находилась в автобусе, но я... я не верю, что она погибла.

Молодая журналистка бросила на моего мужа жалостливый взгляд и поспешила от него отойти, чтобы интервьюировать пожилую женщину с заплаканными глазами.

– Кто этот красавчик? – услышала я за спиной голос Марка. Он все-таки покинул постель, оделся. – Ты его знаешь?

– Это мой муж, – не стала я скрывать.

Марк присвистнул.

– И от такого красавца ты решила сбежать? Вас, женщин, на самом деле не поймешь. Чем он тебе не угодил?

– Я не хочу об этом говорить, – нахмурилась я.

– Ладно, не будем. Что за чушь он нес насчет того, что не верит, будто его жена умерла?

– Это не чушь. У Стаса звериное чутье. Именно это чутье позволило ему стать в двадцать девять лет советником юстиции.

– Советником юстиции? – переспросил Марк. Кажется, он был неприятно поражен этим обстоятельством. – Так кто у нас муж?

– Следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры России. – Я постаралась, но не смогла скрыть мстительные нотки в голосе.

- Значит, сыщик. И теперь он пойдет по твоему следу и не успокоится, пока не найдет.
- Что, испугался? – усмехнулась я.
- Кого? Твоего хлыща-муженька? Я и не с такими справлялся.

Лицо Марка неузнаваемо изменилось. Никакого простодушия, никакого мальчишеского обаяния. Окаменевшее, застывшее словно маска лицо, мертвые глаза. Глаза убийцы. В них невозможно было смотреть. Я почувствовала, как неприятный холодок пробежал по позвоночнику, и поспешно отвела взгляд в сторону.

- Почему ты оставил меня в живых? – найдя все же в себе силы, спросила я.

Он издал короткий смешок.

– Такая красота, как у тебя, даже святого с пути истинного собьет, а я не святой. Нельзя, дорогая, быть такой красивой. Грех это. «Потому что нельзя, потому что нельзя, потому что нельзя быть на свете красивой такой», – пропел он дурным голосом

Я заставила себя взглянуть ему прямо в лицо.

- А убивать ни в чем не повинных людей – не грех?

– Те, кто был в автобусе, не так безгрешны, как ты думаешь.

- А ты взял на себя роль судьи и палача?

Он оставил без внимания мою реплику.

– Тот старик, взгляд которого тебе не понравился... Он глава крупной бандитской группировки. Мне пришлось хорошенько попотеть, чтобы выйти на его след.

- Так это он был твоей мишенью?

– Да, он и двое его подручных. Они сидели за его спиной и делали вид, будто не знают друг друга.

– Странно, почему старик воспользовался автобусом. Вряд ли он был стеснен в средствах, если он, как ты утверждаешь, бандит. Почему он не полетел самолетом?

- Наверно, посчитал, что автобус – самый безопасный для него вид транспорта.

– Ошибочно, как выяснилось, – пробормотала я.

– А может, как и ты, боялся летать самолетом, – пожал он плечами. – Кстати, я изучал досье на этих бандитов и могу сказать, что на их совести не одна загубленная жизнь.

– А на твоей совести? Сколько на твоей совести загубленных жизней? – отважилась спросить я.

Он, конечно, не ответил. Мне бы тоже помолчать, но я уже не могла остановиться.

- Ладно, эти трое были убийцами. А остальные? Лес рубят, щепки летят?

Он равнодушно пожал плечами.

– Им просто не повезло. Они оказались в ненужное время в ненужном месте. Хотя... Уверен: если покопаться, то и в их биографиях что-нибудь да найдется. Даже в биографии Симы – твоей компаньонки, как ты ее называешь. Ты в курсе, что она убила собственного мужа и отсидела четыре года в тюрьме?

У меня от удивления чуть глаза на лоб не полезли.

- Что?! Сима? Откуда это тебе известно?

– Мне много чего известно. Кстати, почему ты удивлена? Приятной эту особу даже с большой натяжкой назвать было нельзя.

– Я удивляюсь не тому, что она оказалась убийцей, – все еще растерянно произнесла я. – Странно, что мой свекор приставил ее ко мне, не наводя предварительно справок о ней.

– А ты уверена, что он их не наводил? Он не мог не знать некоторые факты ее биографии. Может, потому и приставил?

И все-таки я ничего не понимала. Как мог мой свекор, зная прошлое Симы, приблизить ее к себе, впустить в свой дом? Какую цель он преследовал? Надеюсь, он не хотел избавиться от меня – из всех членов семьи Арсеньевых он единственный относился ко мне благосклонно.

Или мне это только казалось? Впрочем, если не Симе суждено разделаться со мной, то это наверняка сделает мой недавний любовник.

– Что ты намерен сделать со мной? – спросила я напрямик. – Такие, как ты, не оставляют свидетелей.

– Я еще не решил, – откровенно коварная улыбка тронула его губы. – У меня еще есть время подумать. – Некоторое время он наблюдал за мной взглядом, который я не могла понять. – Кстати, когда ты догадалась, что я причастен к взрыву?

– Смутные догадки появились еще вчера, – неохотно проговорила я, – а сейчас, услышав утренние новости, я поняла, что мои подозрения были не беспочвенны.

– И все же, что навело тебя на мысль, что я имею отношение к взрыву? – Теперь он смотрел на меня с искренним любопытством.

– Ты сразу показался мне подозрительным. – Я поймала его недоверчивый взгляд, пожалала плечами и продолжила: – Ты менялся как хамелеон, то был абсолютно незаметен, черты лица какие-то стертые, незапоминающиеся. Попроси кого-нибудь в том же автобусе описать тебя – и никто не смог бы сказать ничего определенного. В следующую минуту ты становился интересным молодым человеком. Суровое обаяние, мужественная улыбка и тому подобное. Даже ростом как будто становился выше и шире в плечах. А то превращался в весельчака-балагура, не очень умного, простодушного и бесхитростного. Ты молниеносно менял одну личину на другую, но при этом был странно напряжен, словно чего-то ждал. Иногда тебя выдавали глаза. Вот как сейчас. Беспросветная тьма, которая поглотит любого, кто будет так неосторожен, что взглянет в их глубину.

– И это все? – Он криво усмехнулся. – Мелодраматическая чушь.

– Нет, не все, – покачала я головой. – Еще твой рюкзак. Ты слишком бережно с ним обращался. Один из пассажиров попытался отодвинуть его ногой, и ты просверлил его таким взглядом, что тот сразу убрал ногу. По тому, как ты втащил его в салон, было заметно, что он очень тяжел, а ты так нежно обращался с ним, словно в нем был воздушный шарик, который от малейшего прикосновения может лопнуть. И ты ни разу за всю дорогу не открыл его, не покопался в нем, что должен был сделать, если в нем находились вещи, которые обычно берут с собой в дорогу. Ты не брал рюкзак с собой, когда выходил на стоянках, но я замечала, что краем глаза ты постоянно следишь за тем, на месте ли он. Ты не отходил далеко от автобуса, маячил все время рядом.

– Может, в нем лежали золотые слитки?

– Я так и подумала вначале. Но на последней стоянке ты вдруг позабыл о своем рюкзаке с «драгоценным» грузом и увлек меня с собой в яблоневый сад, откуда автобус не был виден.

– Желание остаться с тобой наедине, кажется, отшибло у меня последние мозги.

Я невесело рассмеялась.

– Ты увел меня подальше не только ради моих прекрасных глаз. Ты знал, что автобус должен отъехать через двадцать минут. Ты ждал, когда пассажиры вновь займут свои места. Мы немного сбились с графика, запаздывали, и водитель наверняка торопил пассажиров, убеждая, что пора отправляться в путь. Мы единственные, кто не слышал его, потому что находились далеко от автобуса и вне поля зрения водителя. Я сказала тебе, что нам надо поторопиться, но ты не позволил мне уйти, задержал еще на несколько минут. Мы вышли из своего укрытия, когда время уже вышло, и ты наверняка знал, что все пассажиры находятся в салоне. Только Сима ждала нас возле автобуса, но ты помахал ей рукой, и она, успокоенная, тоже поднялась в салон. Но вместо того чтобы поспешить, ты замедлил шаг, вытащил из кармана что-то похожее на мобильник, стал нажимать на кнопки – и тогда раздался взрыв. В новостях передали, что взрывчатка была установлена под передним сиденьем. Получается, что там, где сидел именно ты. Если бы ты был ни при чем, то стал бы дожидаться полиции и «скорой помощи», но ты поспешил уйти с места происшествия. И «девятка», на которой мы приехали сюда, не была

угнана, не так ли? Ты заранее оставил ее там, на дороге. И ключей в зажигании не было. Ты незаметно извлек их из кармана брюк.

Только выложив все это, я запоздало подумала, а стоило ли раскрывать все карты. Не лучше ли было выставить себя дурочкой, сделать вид, что ни о чем не догадываюсь и только счастливый случай позволил нам остаться в живых, не погибнуть вместе со всеми?

Некоторое время Марк смотрел на меня изумленными глазами, а потом весело рассмеялся. Но мне было не до смеха, и я настороженно наблюдала за ним.

– А еще говорят, что красота и ум – две вещи несовместимые.

– С чего ты взял, что я умная? – вздохнула я. – Если бы я была умной, то молчала бы в тряпочку, а не выкладывала свои соображения человеку, которому ничего не стоит отправить к праотцам целую кучу людей.

– И, тем не менее, ты очень наблюдательна. Что мне теперь с тобой делать? – Его губы все еще улыбались, но выражение глаз изменилось. В них снова была непроглядная тьма. По спине пробежал мороз. Я поежилась словно от озноба, хотя в комнате было тепло, даже немного жарко.

– Раз ты столько сил приложил к тому, чтобы я осталась жива, может, не имеет смысла убивать меня сейчас? Вспомни: ты сам говорил, что нельзя губить такую красоту.

– Говорил, – кивнул он, противно ухмыляясь. – Но, как ты справедливо заметила, я не из тех людей, которые оставляют свидетелей.

– Да, «недолго музыка играла, недолго ффраер танцевал». Ндолго я праздновала свободу, – пробормотала я.

– Жаль, конечно, но ты ведь умница и должна понимать: я не могу рисковать. Откуда мне знать – может, я за порог, а ты тут же побежишь в полицию?

– Не побегу. Еще припишут соучастие.

– С таким свежком и мужем ты наверняка выйдешь сухой из воды.

Он прав: мой муж не допустит, чтобы даже легкая тень подозрения упала на меня. Надо отдать должное Стасу: он был чертовски умен и хитер. И упрям. Он не успокоится, пока не выяснит, что я жива. Как он это сделает, я не знаю, но сделает. Землю носом будет рыть, но узнает, что я не погибла во время взрыва вместе с другими.

– Что пригорюнилась? – Он наклонился и, весело ухмыляясь, похлопал меня по плечу.

– Как не горевать, коль жить осталось совсем ничего, – снова тяжело вздохнула я. – А я еще молода, красива и жить хочу.

– Ну-ну, не печалься! Может, я еще передумаю. – Он улыбнулся во весь рот, обнажив мелкие хищные зубы. – Иди ко мне, милая, и обними за шею своими нежными ручонками. Да, вот так. Какая же ты сладкая! Если будешь хорошей девочкой, я не стану причинять тебе боль. И чем черт не шутит – может, перемену решение и сохранию тебе жизнь?

Он говорил тихо, проникновенно, голос его шуршал словно шелк, но я ему не верила. Убийца есть убийца. Интересно, когда он лишит меня жизни? Сейчас или после того, как займется со мной любовью? Я страстно отвечала на его поцелуи, стонала под его умелыми ласками (о, притворяться я умела – я столько лет притворялась со своим мужем, а он ни о чем не догадывался или почти не догадывался) и думала о том, как уйти отсюда живой и невредимой. Возможно, он на самом деле не станет меня убивать, но рисковать не стоило. Мне бы только суметь опередить его.

Я лгала, когда говорила, что выложила ему все как на духу. Я не сказала о том, что видела, как он вытащил из бардачка автомобиля пистолет и засунул в карман брюк. Кстати, он успел снять джинсы, и теперь они висели на спинке стула. Надо как-то изловчиться и достать пистолет. Он все еще там, вот как карман топорщится.

– Подожди, не спеши, – прошептала я. – Дай мне раздеться.

– Я тебе помогу.

– Нет-нет, я сама. А ты ложись. – Я легонько подтолкнула его к кровати и постаралась, чтобы в моих глазах он увидел игривый блеск. – Говорят, мужчины любят глазами, вам нравится смотреть, как женщины раздеваются. Хочешь, я прямо сейчас устрою тебе стриптиз? Буду медленно снимать с себя одну часть одежды за другой и...

Конечно, он хотел, но глаза смотрели настороженно. Неужели что-то заподозрил? Я соблазнительно ему улыбнулась.

– Знаешь, ты первый мужчина, с которым я изменила мужу. Мне всегда было интересно, каково это – спать с другими мужчинами.

– Ну и как, узнала?

– Еще не совсем. Не сказала бы, что мне не понравилось то, что было между нами этой ночью, но то был взрыв чувств, выброс адреналина после пережитого. По крайней мере, с моей стороны. А сейчас я хотела бы заняться сексом не спеша, смакуя каждый миг. – Говоря это, я медленно развязывала пояс халата, одновременно изгибаясь всем телом.

– Все вы, женщины, в душе шлюхи, – изрек Марк, а я зазывно засмеялась и продолжила раздевание, показывая ему то одно голое плечо, то другое, выставляя напоказ то правую ножку, то левую. Постепенно настороженность исчезла с его лица, он получал явное удовольствие от увиденного. Виляя бедрами, я приблизилась к стулу, на спинке которого висели его брюки, уселась на него верхом и стала выдвигать разные штучки своими длинными обнаженными ногами, которым позавидовала бы любая манекенщица. Он смотрел как замороженный и упустил момент, когда я полезла в карман его брюк и вытащила пистолет. Слава Богу, он был заряжен. И, к счастью, я умела пользоваться оружием, этому научил меня мой муж. Марк заскрежетал зубами, когда увидел собственный пистолет, нацеленный прямехонько ему в грудь.

– Правду говорят: женщина создана нам на погибель, и она причина всех наших бед. Вид твоих прелестей совершенно размягчил мне мозги.

– Прости, Марк, но я не могу допустить, чтобы ты меня убил.

– Я не собирался тебя убивать.

– Позволь мне не поверить. Мой хладный труп уже этим вечером лежал бы там, где его никто не сможет найти.

– Неужели я для того спасал тебя, чтобы потом убить? – Он попытался приподняться в постели, но я не позволила.

– Не двигайся. Одно движение – и я стреляю.

– Если думаешь, что, застрелив меня, сможешь избежать наказания...

– Почему – нет? – перебила я его. – Ты сам говорил, что мой свекор и муж вытащат меня из любой передраги.

– Не дури, милая. Выстрелишь – и сюда сразу сбегутся люди, вызовут полицию. Что ты им скажешь?

– Правду. Не всю, конечно. Я скажу, что ты силой увез меня, силой удерживал здесь.

– И опять вернешься к мужу? Ты этого хочешь?

Я хотела этого меньше всего, но ему не обязательно было знать об этом, и я процедила сквозь зубы:

– Это не твоя забота.

– Ты не станешь в меня стрелять. Убивать не так легко, как кажется на первый взгляд.

– Ты же смог с легкостью убить полсотни человек. Почему, думаешь, я не смогу?

Что-то было, наверное, в моих глазах такое, что он понял: я выстрелю, не моргнув глазом. Но он еще надеялся договориться со мной.

– Ты мне нравишься, Тина. Правда, нравишься. Я еще не встречал такой девушки, как ты. Такой красивой, умной, сообразительной и смелой до безрассудства. Милая, давай вместе уедем отсюда. Вдвоем мы столько всего сможем наворотить.

– Мечтаешь, что я стану твоей боевой подружкой и буду помогать тебе избавляться от неугодных людей? – хмыкнула я.

– Не совсем так. Кстати, милая, предупреждаю: в моем случае твой муж и свекор будут бессильны тебе помочь.

– Почему же?

– Потому что я не просто сам по себе. Я ликвидатор на службе у государства. Мне было поручено найти Гвоздева – вора в законе по кличке Гвоздь и убить.

Я коротко засмеялась.

– Заодно убив и полсотни других людей?

– Я должен был уничтожить его любой ценой.

– Джеймс Бонд хренов! Ты мог запросто подойти к нему в автобусе, приставить ко лбу пистолет и выстрелить.

– Двое его подручных не дали бы мне даже вытащить из кармана пистолет.

– Ты мог хотя бы постараться, чтобы жертв было меньше, – не унималась я.

– Не получилось бы.

– Я тебе не верю. Впрочем, не имеет никакого значения, обычный ты убийца или убийца на службе у государства. В любом случае ты преступник и должен ответить за то, что натворил.

– Не забывай, я пощадил тебя. А ты...

Я оборвала его на полуслове:

– Ты пощадил меня, чтобы поразвлечься со мной, а потом... потом убить.

Разговор затягивался. Я понимала, что нельзя много говорить, надо действовать. Не убьешь ты – убьют тебя. Только Марк прав: убивать не так легко, как кажется. Даже если перед тобой убийца и, пристрелив его, ты окажешь услугу человечеству, избавив мир еще от одного подонка. К тому же Марк куда сильнее и опаснее меня. Он не даст пристрелить себя как собаку, что-нибудь да придумает. К примеру, набросится на меня и отнимет пистолет. Значит, надо стрелять. Сейчас или никогда. Но странное дело: убивать его мне не хотелось. Я знала, что он убийца и должен ответить за свои черные дела. Я должна была чувствовать к нему ненависть, но ненависти не было. Почему? Потому что ночью мы были близки? Или со мной что-то не так? Я взглянула в его глаза и чуть не утонула в их мраке. Я знала, что никогда не забуду этих страшных глаз, они будут сниться мне в кошмарах, преследовать темными одинокими ночами... Я встряхнула головой, отгоняя от себя наваждение. Ну что ж, надо решаться. Или он меня, или я – его.

Где-то внизу стали приближаться звуки колес едущего трамвая. Я стояла, внимательно прислушиваясь к знакомым звукам. Вот трамвай загромыхал под самыми окнами. Я несколько сместила пистолет и, почти не целясь, выстрелила один раз, второй. Звук выстрелов совпал с грохотом, раздававшимся с улицы.

Убивать Марка я не стала, но на время вывела из строя. Он еще долго не сможет ходить, если только раны не заживают на нем как на собаке.

– Сука! – прохрипел он. – Жаль, что я не убил тебя сразу.

– Профессионалы таких ошибок не совершают. А ты считаешь себя профессионалом, – пожалала я плечами.

– Я тебя найду. Я тебя из-под земли достану, сука! – прорычал он, но тут же сцепил зубы от боли.

Обе его колена были прострелены.

– Давай договоримся, – отрывисто проговорила я, не выпуская из рук пистолета и оставаясь на безопасном от него расстоянии. Если он кинется на меня, я успею пристрелить его. – Я ухожу. Забудь обо мне. А ты выпутаешься. Каким образом – думай сам. Уверена, фантазии у тебя хватит. Впрочем, могу подсказать: заявишь, что видел меня в первый раз, снял на одну ночь где-то в подворотне. Кто стрелял в тебя – не знаешь. Какой-то придурок влез в окно,

начал угрожать, требовал деньги. Возможно, сутенер. Денег у тебя не оказалось, и разгневанный мужчина выпустил в тебя две пули. Куда подевались эти двое, ты не знаешь. Ну и конечно, ты не станешь сообщать полиции и моему мужу, что я жива.

– А что взамен? Что получу я? – прохрипел он.

– Я не отправлюсь в полицию и не стану сообщать о том, что мужчина с простреленными ногами в номере гостиницы – профессиональный убийца, благодаря которому вчера взлетел в воздух автобус с пятью десятками пассажиров.

– Тебе не кажется, что ты получишь больше, чем я?

– Разве? Не забывай, что я оставила тебя в живых, а могла бы запросто убить.

– Может, ты и убила меня. Ты оставляешь меня одного, истекающего кровью.

– Не бойся, вся не вытечет.

Если бы взгляд мог убивать, то я уже была бы мертва: столько ненависти и злобы было в его потемневших от боли глазах.

Мне следовало торопиться. Я быстро натянула джинсы и футболку, заскочила в ванную, взяла пару полотенец, вернулась в комнату и кинула их Марку.

– Перевяжи колени, не то действительно истечешь кровью, как свинья.

Марк стиснул зубы. Он был бледен как полотно и тяжело дышал. Полотенце быстро пропиталось кровью. Пусть справляется сам, а я должна уничтожить все следы своего пребывания здесь. Стянув с журнального столика салфетку, я стала быстро протирать предметы, к которым прикасалась. Кажется, все, теперь можно уходить. Я оглянулась в последний раз. Марк лежал, скрючившись на кровати, и громко стонал. Представляю, какую боль он сейчас испытывает, но ничего – тем, кто заживо сгорел в автобусе, было еще больнее.

– Прощай, Марк. Не поминай лихом. – Я помахала ему ручкой.

– Дрянь! Сука! Стерва! – процедил он сквозь зубы и прибавил несколько непечатных слов. – Мы еще встретимся. Обязательно встретимся. Я это тебе обещаю.

– 4 –

Поселилась я в областном центре – в большом двухмиллионном городе, в котором найти меня будет трудно. По крайней мере, я на это очень надеялась. Однокомнатная квартира, которую я снимала, принадлежала молодой чете, которой та досталась по наследству от бабушки. Квартира им была не особенно нужна, в деньгах они не нуждались и потому сдали ее мне за символическую плату. Деньги у меня, правда, были. На карточку, о наличии которой никто не догадывался, все последние годы я перечисляла деньги, которые мне на личные нужды выдавал муж. Тратить их мне было особо не на что, жадностью мой муж никогда не отличался, так что за несколько лет на карточке накопилась внушительная сумма денег, и теперь я могла снимать их понемногу и тратить, не боясь быть обнаруженной. Было еще дорожущее кольцо, но продавать его я не рискнула – слишком приметным оно было.

Устраиваться на работу я не спешила. И дело не только в том, что в деньгах особой надобности не было. При трудоустройстве требовалось предъявить паспорт. Он у меня был. Благо, документ был со мной, когда я выходила из автобуса, который через несколько минут должен был взлететь в воздух. Только для меня же было лучше его не предъявлять, не то мою фамилию, имя и отчество занесут в компьютерную базу данных и отыскать меня будет легче легшего. Если, конечно, кому-нибудь взбретет в голову искать меня. Наверняка взбретет. Что-то подсказывало мне, что мой муженек не сдастся так легко. Он ищет меня и, пока не увидит мой хладный труп, ни за что не поверит в мою безвременную кончину. Был еще Марк, который тоже будет меня искать. Я постаралась замести свои следы и побывала в дюжине городов, прежде чем осесть в областном центре, находящемся за тысячи километров от города, в котором я родилась и до последнего времени жила. Я старалась не заглядывать в далекое будущее и жить сегодняшним днем. Чтобы не обращать на себя внимания, облачалась в бесформенные одежды – свободные джемпера и платья на два размера больше. Я привыкала ходить в обуви на низком каблуке, волосы прикрывала широким шарфом и надевала солнцезащитные очки, закрывающие пол-лица.

Новых знакомств я не заводила, мне было достаточно собственного общества. Я много читала, копалась в интернете, посещала музеи и театры. Я вдруг вспомнила, что когда-то ходила в художественную школу и мои учителя прочили мне большое будущее. Накупив красок и холстов, я принялась писать картины, в основном пейзажи и натюрморты. Первую картину я подарила хозяевам квартиры, в которой теперь жила, вторую – соседке по этажу, третью – милой одинокой старушке в соседнем подъезде, когда та, к моему удивлению, пригласила меня на свой день рождения. Другой сосед – седой импозантный мужчина, сочтя, что я художница, заказал мне картину, и это был первый заказ в моей жизни. Мужчина остался доволен моей работой и заплатил за нее небольшую сумму. За первым заказом последовали другие. Неожиданно для меня самой мои картины стали раскупаться. Не знаю, действительно ли покупателям нравилась моя мазня или все дело в том, что я не просила за нее много, но картины раскупались как горячие пирожки.

Вскоре с пейзажей и натюрмортов я решила перейти к живой натуре. С этой целью я с утра отправлялась в ближайший сквер, наблюдала за тем, как дети играют в песочнице, и делала эскизы. Несмотря на холодное время года, я работала до тех пор, пока на город не начинали опускаться сумерки, и продолжала работу над картинами дома.

Первый апрельский день выдался погожим и ясным. Я радовалась теплым солнечным лучам, рисовать было лень, и я с удовольствием наблюдала за девчушкой лет четырех с темными, чуть раскосыми глазами. Легкая, живая, стремительная, она носилась по небольшому скверу сломя голову. Бабушке, тучной женщине лет шестидесяти, с трудом передвигавшей ноги, было нелегко за ней угнаться.

– Настенька, пожалуйста, не убегай! Возвращайся назад! Ты меня слышишь? – то и дело звала она внучку.

Я следила за девчушкой глазами, чтобы в случае надобности кинуться ей на помощь. Настенька так и норовила выбраться за пределы скверика, а там сразу начиналась оживленная трасса. Кто-то выпустил воздушного змея, девчушка радостно захлопала в ладоши и, не спуская с него восторженного взгляда, побежала за ним. Через пару минут она споткнулась на ровном месте и растянулась на зеленой травке во весь свой маленький рост. По скверу сразу разнесся громкий детский плач. Бабушка находилась далеко, и я, отбросив кисть, кинулась к Насте. Девочка хныкала, смешно размазывая по нежному личику слезы размером в горошину, а я, как могла, утешала ее. Встряхивая пыль с перепачканного платица и завязывая шнурок на ее ботиночке, я вдруг краем глаза заметила, как возле шестисотого «Мерседеса», припаркованного у обочины дороги, остановился мужчина в вязаной шапочке и серой куртке с высоким воротом. Опустившись на корточки, он тоже занялся развязавшимся шнурком на кроссовке. Ничего необычного в этом не было, но что-то привлекло мое внимание. Стараясь остаться незамеченной, я продолжала наблюдать за ним и заметила, как он расстегнул куртку, извлек из-за пазухи какой-то плоский предмет и, зыркнув глазами по сторонам, молниеносным движением прикрепил его к днищу автомобиля. Еще раз осмотревшись, он приподнялся и, заметно прихрамывая, пошел прочь. Я проводила его глазами. Молодой человек перешел на другую сторону улицы, сел в поджидавший его автомобиль и укатил прочь. Машина была неприметная – старая модель «Жигулей» белого цвета с заляпанными грязью номерами.

– Тетя! Тетенька! – услышала я детский голосок и не сразу сообразила, что обращаются ко мне.

Я совсем забыла о девочке, которая, перестав плакать, протягивала мне сдувшийся воздушный шарик ярко-красного цвета. Возиться с малышкой неожиданно расхотелось: слишком заинтересовал меня предмет, установленный под днище «Мерседеса». К счастью, подросла бабушка, подозрительно оглядела меня с головы до ног и забрала у меня шарик. Пожилая женщина хмурилась, ей явно не понравилось то, что она увидела, – я имею в виду мою внешность. Неудивительно, если учесть, что в прохладное апрельское утро я нацепила солнцезащитные очки, закрывающие пол-лица. Схватив внучку за руку, старушка поволокла ее подальше от подозрительной девицы.

Я не торопилась возвращаться к мольберту и стояла, не отводя взгляда от «Мерседеса», мирно стоящего на прежнем месте. Мне показалось или нет, что под днище автомобиля установили взрывное устройство? Впрочем, остановила я себя, какое мне до этого дело? Я не собиралась влезать ни в чьи разборки. Или собиралась? Я вернулась к работе, сделала несколько мазков, не очень удачных, и поняла, что не могу дальше работать. Я снова обратила внимание на «Мерседес». Теперь возле него маячила высокая широкоплечая фигура мужчины в темно-синем костюме. Сейчас он сядет в машину, включит зажигание, и автомобиль вместе с водителем поднимется в воздух и гроыхнет обратно вниз. Но мужчина не торопился садиться, он прогуливался взад и вперед, зорко озираясь по сторонам. «Где же ты, милый, раньше был, когда какой-то тип копался возле твоей машины?» – подумала я и тяжело вздохнула. Скорее всего, это водитель, ожидающий своего хозяина, который должен выйти из здания напротив. Четырехэтажное здание из пластика, железа и стекла как-то не вязалось по архитектурному облику с соседствующими зданиями, построенными в конце девятнадцатого века. Из него выходили люди, но никто не приближался к шестисотому «Мерседесу».

Вмешаться или нет? Смогу я равнодушно наблюдать за тем, что наверняка случится через несколько минут? Я вспомнила тот ужас, который испытала, когда на моих глазах запылал автобус с людьми. Тогда я не знала, что должно случиться. А сейчас знаю и если не вмешаюсь, то стану невольной соучастницей преступления. Так что мне теперь делать? Я судорожно вдохнула и решительно направилась к зданию, в котором, как я полагала, находится человек,

которого хотят убить. Как скоро он появится? Не придется ли прождать несколько часов? Нет, вряд ли он надолго задержится. Судя по тому, что машина припаркована не на стоянке рядом со зданием, а на обочине дороги, владелец «Мерседеса» не работает в этом здании и, значит, должен скоро появиться. Узнаю ли я его? Я полагалась на свою интуицию. Человека, облаченного богатством и властью, всегда можно выделить даже в толпе людей, а судя по тому, что «Мерседес» был последней модели, стоил кучу денег и словно только что сошел с конвейера, его владелец был человеком состоятельным. Меня больше волновало другое. Смогу ли я приблизиться к «телу», что я ему скажу и главное – поверит ли он мне? Впрочем, последнее не должно меня волновать. Не поверит – его право. Я решила действовать по обстоятельствам. У меня всегда был талант к импровизации, и я надеялась, что в нужный момент он проявится в полную силу.

Человек, которого я ждала, появился через двадцать пять минут. По тому, как подошел мужчина возле «Мерседеса», я поняла, что это и есть владелец автомобиля. Он вышел из здания не один. Рядом с ним семенил белобрысый мужчина лет пятидесяти с выпирающим брюшком. Вот они остановились, белобрысый протянул своему спутнику руку и вяло пожал ее со словами: «До свиданья, Константин Петрович. Мы еще увидимся и поговорим более предметно». Значит, его зовут Константин. Мужчины расстались, и тут же к Константину Петровичу присоединились двое молодых людей. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться о роде их занятий. Это были охранники, высокие широкоплечие ребята с коротким ежиком волос и каменными лицами. Я мысленно усмехнулась. Какой от них прок, если они оставляют без присмотра автомобиль, перекладывая всю ответственность на плечи водителя?! И вот результат – смертельно опасный сюрприз, который их ждет через несколько минут. Константин Петрович шел широким шагом, не глядя по сторонам. Надо поторопиться, решила я и сделала шаг ему навстречу.

– Костик, милый, как я рада тебя видеть! Сколько лет, сколько зим! – с этими словами я раскинула широко руки и кинулась к нему.

Константин Петрович оторопел, шагнул назад, но я, радостно улыбаясь во весь рот, бросилась ему на шею. Телохранители стояли остолбенев, не зная, что делать – оттаскивать нахальную девицу или не мешать нашей исторической встрече: а если я действительно старая знакомая их хозяина? Тем временем я продолжала виснуть на шее вяло сопротивляющегося мужчины.

– Шестисотый «Мерседес» ваш? – поспешно шепнула я ему прямо в ухо.

– Что? – не понял он.

– Отвечайте на вопрос! – потребовала я.

– Да, мой.

– В таком случае не вздумайте в него сесть. Под днищем бомба.

– Какая бомба? – все еще непонимающе спросил он.

– Откуда я знаю, какая! – огрызнулась я. – Вы всегда так туго соображаете?

Его темно-синие, как сумеречное небо, глаза холодно взглянули на меня.

– Кто вы?

Я поморщилась словно от зубной боли.

– Какая разница, кто я? Хорошая самаритянка, которая предупреждает вас: под днищем вашего автомобиля установлено взрывное устройство. А теперь улыбнитесь и сделайте вид, что рады меня видеть. Возможно, за нами наблюдают.

Его губы послушно растянулись в улыбке, больше напоминающей гримасу.

– Рад тебя видеть. Извини, не сразу узнал. Этот балахон, очки... Зайдем внутрь здания, поговорим там.

Нам не о чем говорить. Я так ему и заявила, но цепкие пальцы, словно тиски, сжали мою руку и потащили меня к стеклянной двери. В просторном вестибюле под удивленные взгляды

охранников он увлек меня к кожаным креслам, усадил в одно из них, а сам, сдвинув с места второе кресло, примостился напротив.

– Рассказывайте, я слушаю, – жестко потребовал он.

– Да нечего рассказывать! – возмущенная таким обхождением, заявила я. – Я всего лишь случайная свидетельница, увидела, как какой-то тип остановился возле шестисотого «Мерседеса», сделал вид, что завязывает шнурок, и что-то сунул под днище автомобиля.

– Как вы узнали, что автомобиль принадлежит мне?

– Я догадалась.

– Так не бывает, – его голос звучал недоверчиво.

– Что вы хотите сказать?

– Что все это очень странно. Тот, кто подкладывал бомбу... Он должен был убедиться, что свидетелей нет.

– Даже самый гениальный ум не может просчитать абсолютно все, каждую мелочь. К счастью. Иначе ни одно преступление не было бы раскрыто, – философски заметила я.

– Ладно, вы увидели это. Почему вы решили, что владелец «Мерседеса» находится в этом здании и это именно я? Или вы каждому, кто выходил отсюда, кидались на шею и устраивали ту же сцену, что и мне?

– Нет, не каждому. Ни один из выходящих из этого здания не походил на человека, владеющего последней маркой «Мерседеса» в придачу с водителем.

– Вы что, психолог?

– Представьте себе – да, и могу отличить очень богатого человека от просто богатого и тем более от того, кто одевается на барахолке.

– Удивительно, если учесть, как вы сами одеты, – съязвил он и демонстративно оглядел меня с головы до ног. – Или вы знали лучшие времена?

Я издала короткий смешок.

– Будем считать, что так.

– Вы можете снять очки? Не люблю разговаривать с людьми, когда не вижу их глаз.

Я отказалась. Меньше всего я хотела, чтобы он увидел и запомнил мое лицо.

– Мне это кажется подозрительным. – Он помолчал, что-то обдумывая, потом уточнил: – Мне все кажется подозрительным.

Я тяжело вздохнула.

– Верно говорят: «Если ты сделал человечеству что-то хорошее, оно постарается, чтобы ты не сделал это во второй раз». Дура я. Что мешало мне просто пройти мимо, позволив вам напрямик отправиться на небеса?

– Действительно, что мешало?

– Тяжелый случай. – Я с жалостью уставилась на него. – А вам никогда не приходилось слышать таких слов, как «гражданский долг», «сострадание», «порядочность», «добро»? Они для вас пустой звук?

– Ну вот, теперь вы скажете, что действовали из чисто альтруистических побуждений.

– А вы в альтруизм, конечно, не верите?

– Нет, не верю. Если вы не замешаны в этом деле, значит, имеется другой интерес.

– Какой, к примеру?

– Скажем, денежный. Вы ведь понимаете, что за такую информацию в знак благодарности я отстегну энную сумму денег. А может, вы сами установили бомбу под мой автомобиль в надежде заполучить денежки?

– Бог ты мой, как я могла забыть, что ни одно доброе дело не остается безнаказанным?! – пробормотала я, попыталась встать и уйти, но он опять мертвой хваткой остановил меня.

– Сядьте, я еще не все выяснил. Вы действовали одна или у вас есть сообщник?

– У вас извращенное мышление, Константин Петрович. Вы всегда такой подозрительный – в каждом видите потенциального врага?

– Один враг, если верить вашим словам, у меня уже есть. Интересно, кто он?

Я вытаращила глаза.

– Вы у меня спрашиваете? Слушайте, я в этом городе недавно и вижу вас в первый раз.

– Вы назвали меня по имени.

– Я слышала, как сопровождавший вас мужчина, белобрысый такой, с пивным брюшком, обратился к вам по имени и отчеству. Я даже не знаю вашей фамилии и, честно говоря, не хочу знать. Я вообще не хочу вас знать, и деньги ваши мне тоже не нужны, мне своих хватает. И знаете что? Можете пойти и сесть в машину, и пусть она взлетит вместе вами в воздух – мне все равно. Возможно, ничего и не случится. Кто знает, может, у меня галлюцинации и бомба мне только померещилась?

– Снимите очки, – снова потребовал Константин Петрович. – Вы выглядите в них смешно, находясь в помещении.

– Идите к черту! – в сердцах бросила я, быстро вскочила на ноги и направилась к выходу, говоря на ходу: – Попробуют только ваши церберы остановить меня! Я буду кричать, кусаться и заявлю в полицию, что они пытались меня похитить.

Не знаю, поверил ли он мне, но телохранители даже не пошевелились, когда я вышла из здания и двинулась в сторону сквера, где без присмотра остался мой мольберт. Ни о каком дальнейшем творчестве и речи быть не могло. Чертыхаясь вслух, я собрала свои вещи и отправилась домой.

– 5 –

Через два дня я снова была в скверике и снова рисовала детишек, играющих на лужайке. Я так погрузилась в работу, что не заметила двух типов, оказавшихся у меня за спиной, и вздрогнула от неожиданности, когда меня с двух сторон подхватили под руки и куда-то понесли. Я попыталась вырваться, но безрезультатно. Какую же глупость я совершила, оставшись в этом городе после случившегося два дня назад! Надо было бежать отсюда сломя голову, а я была так глупа, что опять пришла в этот сквер, и теперь пожинаю плоды. Я снова попыталась вырваться, ударила изо всех сил пяткой по колену одному из нападавших, но тот успел увернуться и удар получился так себе. Помощь подоспела невесть откуда. Сначала на земле оказался тот, кто удерживал меня за руку слева, потом настала очередь и того, что справа. Моим спасителем оказался низкорослый крепыш с жестким ежиком волос на голове, с сильными ручищами, бычьей шеей и поломанными ушами. Наверняка из бывших спортсменов-боксеров. Не успела я это подумать, как он схватил меня за руку, крикнув:

– Бежим, пока они не очухались!

Я не заставила просить себя дважды и припустилась за ним бегом. Автомобиль крепыша был припаркован у выхода из скверика. Он занял место водителя, а я, усевшись рядом, быстро оглянулась назад. Двое типов, напавших на меня, бежали к нам со всех ног.

– Чего вы ждете? Двигайте скорее! – крикнула я. – Сейчас они нас догонят.

Крепыш что-то пробормотал под нос и резко тронулся с места.

– Вы кто? – спросила я, когда мы отъехали от сквера не менее чем на полкилометра.

– Конь в пальто, – осклабился он в улыбке.

– Спасибо, что пришли на помощь бедной девушке, – решила я его поблагодарить, вспомнив о правилах приличия.

Мужчина хмыкнул и ничего не ответил.

– Высадите меня где-нибудь в центре города, отсюда я сама доберусь до дома.

Он бросил на меня веселый взгляд и снова промолчал. Я взглянула в окно и нахмурилась. Мы ехали не в центр города, а в обратном направлении.

– Куда вы меня везете? – резко повернулась я к своему спасителю.

– Скоро увидите.

– Так не пойдет. – Я сделала движение, чтобы открыть дверь и выпрыгнуть на ходу, но он заблокировал выход. – Чего вы от меня хотите?

– Не бойтесь, я не сделаю вам ничего плохого.

– Тогда отпустите меня.

– А вот этого я сделать не могу. Мне приказали доставить вас в одно место в целостности и сохранности.

– Кто приказал?

– Вскоре узнаете.

Поняв, что ничего от него не добьюсь, я было пригорюнилась, но, мудро решив, что горевать раньше времени не стоит, принялась размышлять. Кто эти люди, напавшие на меня, и кто этот тип, сидящий со мной рядом? Кем бы они ни были, только бы не посланцами моего мужа и не соглядатаями Марка. Вспомнив последнего, я вдруг подумала: интересно, как он? Умер от потери крови или оклемался и теперь жаждет мщения? Насколько длинные у него руки и сумел ли он проследить за моими передвижениями? Очень надеюсь, что нет. А как мой муж? Поверил ли он, наконец, в мою смерть или тоже меня ищет? У него больше возможностей, чем у Марка, найти меня, учитывая, где он работает. Я надеялась, что до сих пор не сделала ни одной ошибки, которая наведет их на мой след. Не считая, конечно, последних событий. Я была так глупа, что влезла в дело, которое наверняка выйдет мне боком. Уже вышло. Это

нападение на меня, а теперь еще и похищение, скорее всего, связано с событиями последних дней. Но приходилось признаться: я предпочитаю, чтобы это было так, нежели бы все это имело отношение к моему мужу или к Марку.

Через полчаса, выстояв в нескольких пробках, мы выехали из города, а еще через полчаса подъезжали к красивому двухэтажному особняку из красного кирпича, окруженному высоким забором. Железные ворота гостеприимно открылись во всю ширь, и мы въехали во двор дома. Покинув машину, мой похититель по вымощенному коричневой плиткой двору направился к широкой каменной лестнице и поднялся вверх. Я последовала за ним. Свежевыкрашенная дверь открылась, и показалась женщина средних лет в платье темно-синего цвета и белом передничке. Нисколько не удивившись нашему появлению, она отступила и дала нам войти. Мой спутник повел меня по деревянной, покрытой светлым лаком лестнице наверх, мы прошли по длинному коридору и остановились возле одной из дверей, всего я их насчитала шесть.

– Можете войти, – сказал он.

Я послушно открыла дверь, вошла и тут же услышала за спиной характерный звук поворачивающегося ключа. Я оказалась в небольшой, но роскошно обставленной комнате. Широкая кровать, застеленная голубым атласным покрывалом, занавески на окнах тоном светлее, гобеленовые картины в золоченых рамах, персидский ковер на полу, в углу телевизор с жидкокристаллическим экраном... Я раздвинула занавески на окнах и не удивилась, увидев на них решетки. Несколько минут я вышагивала по комнате взад и вперед, размышляя над тем, что меня ждет впереди. Мысли были невеселые. Наконец, решив, что бесплодные размышления ни к чему хорошему не приведут, я включила телевизор, присела на кровати и стала переключать каналы в поисках какого-нибудь фильма или ток-шоу, который отвлечет меня от неприятных раздумий. По Первому каналу телевидения как раз начинался очередной отечественный сериал, и я попыталась отрешиться от своих проблем, проникшись чужими. Это мне почти удалось. Один сериал закончился, начался другой, а меня никто не беспокоил. За окном уже стемнело, когда я услышала, как кто-то скребется за дверью. Я быстро водрузила на нос очки – благо, в схватке с похитителями я их не потеряла – и убрала волосы под вязаную шапочку. Дверь открылась, и я увидела Константина Петровича. Все-таки это он! Я мысленно вздохнула с облегчением. Это был не самый худший вариант развития событий.

– Вы снова в этих жутких очках, – сказал он, входя в комнату. – У вас либо изуродовано лицо, либо вы не хотите, чтобы вас узнали. Я склоняюсь ко второму. Мы знакомы? – Он вопросительно посмотрел на меня.

– Мы познакомились два дня назад при известных вам обстоятельствах.

– В таком случае вы от кого-то скрываетесь. От кого?

– А зачем это вам знать? – удивилась я.

– Я должен быть уверен, что вы не связаны с людьми, которые хотели избавиться от меня.

– Так вас все-таки пытались убить? Значит, бомба мне не привиделась?

– К сожалению, нет. Я вызвал полицию, те, в свою очередь, саперов, и взрывное устройство обезвредили. Теперь полиция ищет тех, кто его установил.

– А вы решили заняться собственным расследованием, – не спросила, а констатировала я.

– Полиция будет искать преступников до скончания века, а я не могу так долго ждать.

– Бойтесь, что они повторят попытку? – догадалась я.

– Не только. Я хочу знать, кто мой враг.

– Неужели вы не знаете тех, кто ненавидит вас настолько, что готов убить?

– Нет, таковых я не знаю, – категорично заявил он.

– Странно, – усомнилась я. – Вы, кажется, бизнесмен?

Он молча кивнул.

– Крупный? – уточнила я.

– Очень крупный.

– Значит, у вас много денег?

– Значит, так.

– Вы крупный бизнесмен и богатый человек и еще сомневаетесь в наличии врагов? Не может быть, чтобы у вас не было конкурентов!

– Конкуренты – да, они неизбежны, когда владеешь крупной и успешной компанией. Но я не знаю тех, кто решился бы на убийство, чтобы устранить меня как конкурента. Те времена, когда бизнесменов отстреливали как куропаток прошли.

– Тогда ищите тех, кто выиграет от вашей смерти. «Кому выгодно?» – первый вопрос, которым обычно задаются те, кто расследует преступления.

– Думаете, я не задавался этим вопросом? – Он прошел к креслу и устало опустился в него. – Я готов подозревать всех, а это очень и очень неприятно. Так и параноиком недолго заделаться.

– Чего вы хотите от меня? – напрямик спросила я.

– Чтобы вы еще раз во всех подробностях рассказали о том, что случилось в тот день.

– Вряд ли я смогу что-нибудь прибавить к тому, что уже сказала.

– И все-таки расскажите еще раз.

Я исполнила его просьбу. Рассказ не занял много времени.

– Кто те двое, что напали на вас сегодня в скверике? – поинтересовался он, дослушав меня.

– Не знаю, – пожала я плечами. Уловив его недоверчивый взгляд, я повторила: – Я действительно не знаю. Я видела этих людей впервые.

– Вы можете назвать свое полное имя?

Я назвала вымышленную фамилию, под которой здесь жила. Впрочем, фамилия была не совсем вымышленной. Она принадлежала моей однокласснице, которая после окончания школы уехала в другой областной центр, и звали ее тоже Тина.

– Откуда вы приехали?

Я назвала город, в котором ныне жила моя одноклассница.

– Что вы здесь делаете? – продолжал он меня допрашивать.

– Просто живу, пишу картины.

– Почему вы не хотите показать свое лицо?

– Оно вам все равно ничего не скажет. Повторяю: мы никогда прежде не встречались.

– Тем не менее, я прошу вас снять очки. И эту нелепую вязаную шапочку с вашей головы тоже.

– Если я скажу «нет», вы заставите меня силой сделать это?

– Нет, я не хочу быть с вами груб. Все-таки вы спасли мне жизнь.

– Вы это все-таки признаете? – поневоле в моем тоне прозвучали торжествующие нотки.

– Признаю. – Он откинулся на спинку кресла, закинул ногу на ногу и барским тоном произнес: – Можете просить меня о чем угодно.

Я бы с удовольствием врезала ему в челюсть, чтобы убрать с его лица снисходительную улыбку, но по понятным причинам не стала этого делать.

– Константин Петрович, мне от вас ничего не нужно. Я вам уже это говорила, – металлическим тоном произнесла я.

– Не торопитесь. Подумайте еще раз. В моих силах сделать очень многое.

– Единственное, о чем я прошу, – отпустить меня. И пусть ваши люди меня больше не беспокоят.

– Если бы не мой человек, – справедливо возразил он, – вас похитили бы, а может, и убили.

– В таком случае мы квиты. Вы ничем не обязаны мне, я – вам. Отпустите меня.

– Хорошо, – неожиданно согласился он. – Только сейчас уже поздно, а до города долго добираться. Переночуйте здесь, а завтра можете поехать к себе. Вас отвезут.

Подумав с минуту, я согласилась.

– Ладно, так уж быть, останусь на ночь. Но утром... Утром я действительно смогу отправиться к себе? – все еще не веря, что он так просто меня отпустит, спросила я.

– Даю честное слово, – улыбнулся он и, взглянув на часы, сказал: – Через двадцать минут ужин. Буду рад, если вы составите мне компанию.

– Спасибо, – вежливо отказалась я, – но я хотела бы поужинать здесь, в комнате.

– Как хотите. – Он был откровенно огорчен моим отказом, но ему ничего не оставалось, как пожелать мне спокойной ночи и удалиться.

Ужин был превосходен. Блюда либо заказывали в итальянском ресторане, либо поваром у Константина Петровича был настоящий итальянец. Я отдала должное и запеканке с курицей и кабачками, и фрикаделькам в томатном соусе, и свиным отбивным с яблоками. На десерт был цитрусовый кекс. Такую трапезу следовало разделить с кем-нибудь, но я сама решила ужинать в одиночестве, так что могла пенять только на себя.

До утра меня больше не беспокоили. Проснувшись я в половине седьмого. За окном только начинало светать. Дверь оказалась не заперта, и я спустилась вниз, где в столовой за большим круглым столом уже завтракал Константин Петрович.

– А вы ранняя пташка, – сказала я, пожелав ему доброго утра и садясь за стол.

– Вы тоже, – констатировал он. – Или вам не спалось?

– Да нет, спалось прекрасно, – соврала я. Хорошо, что он не мог видеть моих глаз. Я снова нацепила очки, несмотря на дождливое утро за окном.

Завтрак прошел в молчании. Мне не хотелось разговаривать. Константину Петровичу, видимо, тоже. Только перед самым уходом он протянул мне свою визитную карточку.

– Если понадобится, звоните. Всегда буду рад вам услужить.

Я пробормотала в ответ что-то нечленораздельное, взглянула одним глазком на визитку – Романов, его фамилия Романов – и засунула ее в карман потертых джинсов.

– 6 –

Константин Петрович сдержал обещание. Через два часа я стояла у порога своей квартиры. Дверь была чуть приоткрыта, и я насторожилась. Вряд ли пришли хозяева квартиры. Катя с Игорем всегда заранее предупреждали о своих визитах, да и срок платежа за квартиру еще не наступил. Я долго решала, входить или повременить, потом, рассудив, что если бы меня внутри ждали, то не оставили бы дверь приоткрытой, вошла и остановилась как вкопанная. Все в квартире было перевернуто верх дном, не осталось ни одного «живого» места. Кто-то явно порезвился вволю. В единственной комнате не осталось ни одного целого предмета. Все было разбито, перепачкано, истоптано, изорвано. Мебель поломана, ящики выпотрошены, цветы, которые я исправно поливала, выворочены из горшков. Из выпотрошенного дивана торчали пружины, обои со стен были содраны, даже паркетный пол вскрыт. Кухня и ванная комната выглядели не лучше. Посуда перебита, даже ложки и вилки погнуты! У холодильника, занимавшего весь простенок, в середине зияла огромная вмятина, как будто по нему ударили молотом. Всю еду из него вывалили на пол и засыпали землей из цветочных горшков. Раковина и унитаз были сломаны, кафель в ванной залит густой коричневой краской, а разбитое вдребезги зеркало валялось на полу.

Мне хотелось кричать и топтать ногами, но так как толку от этого было мало, я просто сползла по стене на пол, уткнулась лицом в колени и все-таки, не выдержав, разревелась. Что теперь делать? Что я скажу Кругловым? Как смогу рассчитаться с ними? Деньги, спрятанные в кухонном шкафу в баночке из-под соли, исчезли, а написанные мною картины валялись на полу, изрезанные на тонкие полоски. Хорошо хоть паспорт был у меня с собой. Представляю, что было бы, попади он в руки тех, кто учинил этот погром. Кстати, а кто это сделал? Люди Романова? Не потому ли вчера он был так покладист, что хорошо знал, что сегодня предстанет моим глазам? Я почувствовала, как ярость медленно, но верно овладевает мной. Если это сделал он, ему не поздоровится. Я вскочила на ноги, достала из кармана визитку, которую два часа назад дал мне Константин Петрович, и покинула квартиру, по которой словно Мамай прошелся.

Такси подкатило, как только я выбралась из дома и пересекла тротуар. Я назвала водителю адрес, по которому находилась компания, которой владел Романов, и через двадцать пять минут мы подъезжали к трехэтажному особняку, построенному, судя по фасаду, в начале девятнадцатого века. Внутри тоже все напоминало времена, когда дамы ходили в длинных до пят роскошных платьях под руку с расфуфыренными кавалерами. Попасть к Константину Петровичу оказалось делом нелегким, и это меня еще больше распалило, так что когда я наконец очутилась в приемной, все во мне клокотало от ярости. Кинув мимолетный взгляд на секретаршу, длинноногую красавицу в обтягивающей коротенькой юбке и в туфельках на высоких каблуках, я почти бегом направилась к двери, с шумом распахнула ее во всю ширь и ворвалась в кабинет. Романов восседал во главе овального стола, за которым, кроме него, сидело не менее дюжины человек. Кажется, он проводил совещание, но присутствие других людей ничуть меня не смутило.

– Признайтесь, это вы устроили погром в моей квартире, – очутившись в двух шагах от стола, без всяких предисловий накинулась я на него.

С минуту Романов внимательно изучал мое лицо, потом кивком головы отпустил сидящих за столом.

– Константин Петрович, извините, но я здесь ни при чем. Я не впускала ее. Она ворвалась и... – Длинноногая красавица не успела договорить.

– Ничего страшного не произошло, Галочка, – успокоил ее хозяин кабинета. – Все нормально. Можешь идти.

Галочка исчезла за дверью, а я осталась стоять лицом к лицу с Романовым.

– О каком погроме вы говорите? – спокойно спросил он.

– Кто-то вчера проник в мое жилье и порезвился там вволю, не оставил целым ни один предмет. Стол, стулья, диван, зеркала, картины – все сломано, разбито, порвано. Даже полы вскрыты. Просто варварство какое-то! – Я прислонилась к стене, схватилась за голову и простонала вслух: – Ума не приложу, что теперь делать, это не моя квартира, я ее снимаю. Что я скажу хозяевам?

– Почему вы решили, что это я? – удивленно приподнял бровь хозяин кабинета.

– Как раз вчера ваш человек похитил меня.

– Он не похищал вас – он вас спас. Вы сами вчера мне это сказали.

– Вы продержали меня у себя до утра. Не в это ли время устраивался погром в квартире?

– А зачем мне это, скажите на милость, было нужно?

– Причин может быть много, – не унималась я. – Скажем, хотели выяснить, кто я на самом деле.

– Хотел, но не таким же образом. Уверен, в вашей съемной квартире не было ничего, что указывало бы на вашу личность. Ведь так?

– Да, так, но откуда вам это было знать? Вы могли узнать об этом только после того, как ваши люди вернулись ни с чем.

– Уверяю вас, я не имею никакого отношения к тому, что случилось, – ледяным тоном произнес он. – Это не те методы, к которым я обычно прибегаю.

– Я совсем вас не знаю и не могу судить о ваших методах. – Получилось не так резко, как хотелось бы. Я вдруг почувствовала огромную усталость, опустилась без сил на стул и сжала голову руками. – Что мне теперь делать?

– Вызовите полицию, – предложил он.

– Вот уж нет! – всполошилась я. – Никакой полиции.

Сощутив глаза, он наблюдал за мной.

– Вы, случайно, не в розыске?

Как бы из моего нежелания предстать перед служителями правопорядка он не сделал неверные умозаключения и не начал действовать, обратившись для начала в полицию! Мне ничего не оставалось, как чуть-чуть приоткрыть завесу окружающей меня тайны.

– Если кто-то меня и ищет, так это только мой муж.

– Вы что, сбежали от своего благоверного? – На его лице было написано искреннее удивление. Кажется, это ему и в голову не приходило.

Я со вздохом кивнула головой.

– Что, было так плохо?

– Да нет, скорее все было слишком хорошо.

– Разве от хорошей жизни бегут?

– Иногда и хорошая жизнь может опостылеть так, что хоть волком вой.

– Интересно. – Он выдержал длинную паузу, затем произнес: – А вы не исключаете, что это ваш муж напал на ваш след и те двое, что пытались похитить вас вчера, его люди?

– Исключаю. Мой муж явился бы сам, он не стал бы перепоручать это никому другому, – с уверенностью, которую вовсе не ощущала, заявила я. Я не достаточно хорошо знала мужа, чтобы со стопроцентной точностью утверждать, как он будет действовать в той или иной ситуации.

– Вы его боитесь?

– Я стараюсь не недооценивать его. Как известно, лучше переоценить противника, чем недооценить.

Некоторое время он внимательно приглядывался ко мне.

– Если он найдет вас, вы к нему вернетесь? – неожиданно спросил он.

– Я даже гипотетически не хочу допускать такую возможность.

– Чем же вам так насолил ваш муж?

– Я не собираюсь обсуждать с вами свою личную жизнь, – нахмутив брови, категорично заявила я.

– Простите, я хотел лишь понять, до какой степени на вас зол ваш муж и что он сделает, найдя вас, – захочет снова вернуть в свою жизнь или заставит исчезнуть, но теперь уже навсегда?

Я сама не знала, как поведет себя Стас, отыскав меня. Одно я знала точно: он не станет убивать меня сразу. Возможно, он вообще не станет меня убивать, а решит превратить мою жизнь в ад. Я не сомневалась: в его силах сделать так, что наше прежнее совместное житье-бытье покажется мне раем.

– Я и сама этого не знаю, – ответила я, – по мне так пусть лучше убьет.

Он бросил на меня заинтересованный взгляд, помолчал немного и спросил:

– Так вы уверены, что это не ваш муж?

Я кивнула головой: да, я уверена.

– Есть кто-то еще, кто вас ищет?

– Нет, – ответила я, но сделала это так поспешно, что он мне не поверил.

– А если хорошенько подумать?

Я отвела взгляд.

– Ну да, есть человек, который хочет найти меня так же сильно, как и мой муж. Если он жив, конечно.

– Что вы ему сделали?

– Ну вот, сразу «что сделала», – проворчала я.

– И все-таки...

– Прострелила ему обе ноги.

Я думала, что он будет шокирован, но он лишь удивленно приподнял бровь.

– А было за что?

– Было. Он взорвал автобус, полный пассажиров. Он профессиональный убийца.

– Странные у вас знакомства.

– Я познакомилась с ним, когда ехала в том самом автобусе.

– Когда бежали от мужа?

– Нет. Я как раз направлялась к нему, но, видно, судьбе было угодно, чтобы мы не встретились.

– Судьбе в лице профессионального убийцы. Почему вы не погибли вместе со всеми?

– Не знаю, по какой-то причине этот ублюдок решил меня пощадить. Под благовидным предлогом он увел меня подальше от автобуса и только потом привел в действие взрывное устройство.

– Что было дальше?

– Я не сразу поняла, что он имеет отношение к взрыву, а когда поняла... В общем, мне удалось выкрасть у него пистолет и... – Я не договорила, давая ему возможность пофантазировать дальше самому.

Константин Петрович усмехнулся.

– Он пощадил вас, а вы не стали его щадить.

– Если бы я хотела его убить, то выстрелила бы в голову или в сердце, а не прострелила бы колени. «Но разве каждый принял смерть за то, что он убил?», – процитировала я Оскара Уайльда.

– «Баллада Редингской тюрьмы», – продемонстрировал он знание мировой классики, и я с уважением взглянула на него.

Несколько минут в кабинете царил молчание.

– Может, это он напал на ваш след? – предположил он, прервав тишину.

– Не думаю. Профессиональные убийцы действуют в одиночку. Кстати, – вдруг вспомнила я, – человек, который устанавливал взрывчатку под днище вашего автомобиля, прихрамывал.

– Вы думаете, это он? – живо спросил Романов.

– Не знаю. Но даже если это один и тот же человек, я ничем не могу вам помочь. Я ничего не знаю о нем, кроме имени, да и оно наверняка вымышленное.

– Вы можете рассказать все это полиции.

– Не имею никакого желания. Это исключено. У полиции будет слишком много вопросов ко мне, а моим ответам, даже правдивым, там вряд ли поверят. Кроме того, если станет известно, что я жива, об этом сразу сообщат моему мужу.

– Я смогу защитить вас.

– Не уверена. А если полиция посчитает, что я имею отношение к взрыву автобуса? У ментов будут все основания так думать. К тому же они обязательно зададутся вопросом: не слишком ли часто раздаются или могут раздаться взрывы там, где появляюсь я?

– А вы не имеете отношение к этим взрывам?

– Вы поверите, если я скажу «нет»? – вопросом на вопрос ответила я.

– Если вы скажете это, глядя мне прямо в глаза, то да, поверю.

– Вам так важно, чтобы я сняла очки?

– Я уже говорил вам: мне надо видеть глаза человека, когда я беседую с ним.

– А инстинкт самосохранения? Он у вас хорошо развит?

Романов непонимающе уставился на меня, и я сняла очки. Он шумно втянул в себя воздух и забыл выдохнуть. Медленно, словно сомнамбула, он протянул руку и сорвал шапочку с моей головы. Волосы густой волной упали мне на плечи, спину. Последовал еще один шумный вдох и выдох.

– Теперь я понимаю, – сказал он, когда нашел в себе силы заговорить, – почему тот убийца не захотел, чтобы вы погибли вместе со всеми. И вы правы насчет инстинкта самосохранения. Ваши глаза убийственнее выстрелов пистолета.

Комплиментов своим глазам я слышала много, но такой – впервые. Я хотела водрузить очки обратно на законное место, но он не позволил.

– Вы еще не сказали, что не имеете отношения к взрыву пассажирского автобуса и к покушению на меня.

Глядя ему прямо в глаза, я четко и с расстановкой выговорила:

– Я не имею ни малейшего отношения ни к взрыву автобуса, ни к неудавшемуся покушению на вас.

Романов долго не отводил от меня взгляда, затем кивнул и проговорил:

– Хорошо, я вам верю. Такие глаза не могут лгать. – После короткой паузы он добавил: – Но, возможно, я делаю самую большую ошибку в своей жизни, поверив вам.

Он отодвинулся от меня на безопасное расстояние, по-прежнему не сводя с меня глаз, потом прошел к своему креслу во главе стола и сел.

– Что вы собираетесь делать дальше?

– Не знаю. Боюсь, если Кругловы узнают, что сотворили с их квартирой, они заявят в полицию.

Он быстро принял решение:

– Я отправлю туда своих людей, они там приберутся и посмотрят, что можно сделать. А вам лучше туда не возвращаться.

Я кивнула. Я и не собиралась возвращаться в съемную квартиру. Мне пора сменить место жительства, и лучше, если это будет не только новая квартира, но и другой город. Словно прочитав мои мысли, Константин Петрович сказал:

– Переехав в другой город, вы ничего не добьетесь. Там снова что-то случится, и вам опять придется оставить все и бежать. И сколько это будет продолжаться? Пять, десять, двадцать лет? всю жизнь? Вы о такой жизни мечтали, когда решили не возвращаться к мужу?

Он прав: как долго я буду бегать от мужа и Марка? Как долго я буду бояться, что однажды они найдут меня и призовут к ответу? Я ведь понимала, какими могут быть последствия моего бегства.

– Вы действительно сможете меня защитить? – Я пристально посмотрела на него. Кажется, я только сейчас разглядела, что передо мной сидит довольно привлекательный и сильный мужчина. Да, сильный. Волевой подбородок, властный рот, уверенные движения человека, который знает, чего хочет. И глаза. В них светился глубокий ум. Может, он именно тот человек, который поможет мне?

– Да, я смогу защитить вас, если только вы мне это позволите, – спокойно заявил он.

– Вы не знаете тех, кому собираетесь противостоять, – попыталась я возразить.

– Но и они не знают меня.

– Хорошо, – подумав, сказала я. – Что вы предлагаете?

– Поживите пока в моем загородном доме. Там вам ничего не грозит.

Пришлось согласиться.

– У меня только одна просьба: смените, пожалуйста, ваш прикид.

Я хотела отказаться, но, догадавшись, что я хочу сказать, он быстро проговорил:

– Не исключено, что за моим офисом следят. Если я прав и это так, то вас видели входящей в это здание, а значит, могут проследить за вами, когда вы выйдете отсюда. Поезжайте в ближайший торговый дом, купите новую одежду, переоденьтесь, потом пересядьте в другую машину и поезжайте в мой загородный дом.

– Шпионские страсти, – проворчала я, понимая, что он снова прав: не стоит забывать, что человек, который хочет от него избавиться, еще не найден. – А вы не исключаете, что напавшие на меня каким-то образом связаны с человеком, который стремится вас убить?

– Вы думаете, что они просчитали вас? Каким образом?

– В тот злополучный день они должны были наблюдать за тем, как вы выходите из здания и направляетесь к своей машине. На пути к «Мерседесу» вас остановила я, и вместо того, чтобы вместе со мной продолжить путь, вы возвращаетесь в здание и не покидаете его до прихода полиции. Они также могли видеть, как я направляюсь в скверик и собираю свои пожитки. В тот день они не связали два этих события, но после могли додуматься до того, что я что-то видела и предупредила вас. Я сделала ошибку, вернувшись через два дня в сквер, чтобы продолжить работу над картиной. Здесь меня уже поджидали и попытались схватить. После неудачи с похищением они узнали, где я живу, отправились туда и, не найдя меня, перевернули в квартире все верх дном.

– Логично. Что они, по-вашему, искали?

– Что-то, что указывало бы на человека, который обитает в квартире, а может, они просто покуражились. Скажем, рассердились из-за того, что кто-то сорвал их планы, и решили отыгаться.

– Возможно, все так и было, – подумав, согласился он. – В любом случае вам нельзя туда возвращаться. Я попрошу одного из своих телохранителей высадить вас возле торгового дома, а другой заберет вас оттуда через час. Вам хватит часа, чтобы выбрать новый наряд?

– Учитывая, что мне придется покупать не только платье, но и обувь, сумку и многое другое, мне потребуется как минимум два часа.

– Пусть будет два часа, не больше, иначе это вызовет подозрение у тех, кто за вами следит.

– Надеюсь все же, что никакой слежки за мной нет, – пробормотала я, вставая.

– Чуть позже я позвоню вам и скажу, к какой машине следует подойти при выходе из торгового дома. У вас есть мобильный телефон?

Я кивнула и продиктовала номер мобильного. Я была уже у двери, когда он спросил:
– Кстати, как у вас с деньгами? Я могу...

Я не дала ему договорить:

– Нет, спасибо, деньги у меня есть. По крайней мере, хватит на покупку пары костюмов и аксессуаров к ним.

В огромном торговом доме одежда была на любой вкус и цвет, да и цены не отпугивали. Понимая, что она должна соответствовать шикарной обстановке загородного дома Романова и тому положению, которое он занимает, я постаралась выбрать самое лучшее. Одежда от итальянских и французских модельеров продавалась на третьем этаже. Продавщицы, все как на подбор юные красавицы в униформе, оказали мне не самый радушный прием. Что ж, их трудно в этом упрекнуть. Вид у меня был не самый презентабельный. Моя свекровь не пустила бы человека в такой потрепанной и бесформенной одежде даже на порог дома.

– Чем можем вам помочь? – поднялась мне навстречу крашенная блондинка с сильно подведенными глазами и алым ртом.

– Мне уже ничем не поможешь, – пробормотала я.

Девушка бросила на меня неодобрительный взгляд и кивнула головой.

– Боюсь, что так, – сказала она и криво улыбнулась.

Я не люблю навязчивый сервис и всегда сама выбираю то, что мне нужно, так что от услуг продавщицы я отказалась и направилась к аккуратным рядам с платьями, кофтами и юбками от известных кутюрье. Я выбрала несколько платьев и прошла в примерочную. Продавщицы проводили меня подозрительными взглядами, видно, опасались, что я сбегу, прихватив с собой ворох одежды. Мне очень хотелось облачиться в одно из этих красивых платьев, выйти из примерочной во всей своей красе и сразить их наповал, но, увы, этого нельзя было делать: они меня запомнят, и если кто-нибудь станет расспрашивать обо мне, тут же выложат, что в примерочную вошло чучело огородное, а вышла оттуда фея из сказок. Нет, придется покупать без примерки. Я резко повернула назад, вернула на место часть одежды, с остальной подошла к продавщице.

– Я их беру, – сказала я и полезла в сумку за кредиткой.

– Без примерки? – удивилась крашенная блондинка.

– Я не себе, подруге в подарок, – буркнула я, протягивая пластиковую карточку.

Целый час я выбирала туфли, нижнее белье, пижаму, дамскую сумочку и многое другое, без чего вряд ли смогу обойтись в доме Романова. Ну а теперь следовало переодеться, причем так, чтобы не привлекать к себе внимания. К счастью, в туалетной комнате оказалось чисто, и я смогла быстро скинуть старую одежду и надеть новую. Широкополая шляпа, которую я приобрела в тон костюму, скрыла мое лицо, модные очки с затемненными стеклами тоже оказались кстати. Я выпорхнула из дамской комнаты и направилась к выходу, стараясь не привлекать к себе внимания. Романов уже успел позвонить и сообщить, где меня будет ждать черный джип. Через два часа я была в той самой комнате, в которой спала прошлой ночью. Разложив купленные вещи по местам, я приняла душ и юркнула в теплую постель. Нет, не для того, чтобы заснуть, надо было обдумать создавшееся положение. Ничего хорошего в нем не было. Я почти полностью открылась незнакомому человеку. Как он воспользуется полученной информацией, не навредит ли мне – одному Богу известно. Я всегда хорошо чувствовала людей и была уверена, что на Константина Петровича можно положиться, но сможет ли он защитить меня, если не смог защитить себя? Ведь не окажись я случайно в сквере, возможно, сейчас его не было бы в живых. Я постаралась не думать о том, что меня ждет завтра. Правильно ли я поступила, доверившись Романову, покажет время. Сейчас я могла только молиться Богу, чтобы он помог мне и все в конце концов завершилось благополучно.

Незаметно для себя я уснула и проснулась, когда за окном начало темнеть. Я умылась, привела себя в порядок и принялась ждать. Где-то через полчаса в дверь постучали, и мужской

голос пригласил меня спуститься вниз. Константин Петрович уже сидел за обеденным столом. При моем появлении он поднял голову, рука с бокалом вина, который он подносил ко рту, замерла в воздухе. В мужских глазах глубокого синего цвета я увидела искреннее восхищение. Давно на меня так не смотрели.

– Боже, как же вы красивы! – выдохнул он, отставил бокал и пошел мне навстречу.

Взяв меня за руку, хозяин дома подвел меня к столу, придвинул стул и помог сесть, потом вернулся на свое место и снова поднял бокал:

– Я пью за вас, за вашу редкостную красоту.

Мой бокал был наполнен. Я поблагодарила и слегка пригубила белое вино. Ужин прошел в светской беседе. Мы говорили о живописи, кино, театре, книгах, словно не было ничего другого, что волновало нас. Романов оказался интересным собеседником, я с удовольствием вслушивалась в его мягкий бархатный голос. Еда была отменная. Я успела проголодаться и с удовольствием пробовала одно блюдо за другим.

– Обожаю, когда женщины едят с аппетитом, не подсчитывая в уме калории, – улыбнулся хозяин дома, передавая мне тарелку с салатом из свежих овощей.

– Люблю вкусно поесть, – призналась я. – Я гурман.

– Это не самый большой грех на свете, – улыбнулся он. – Какие блюда вы предпочитаете?

– Люблю все экзотическое.

– Я знаю ресторан с африканской кухней. Обязательно поведу вас туда.

– Заранее вам благодарна, – сказала я, пробуя очередное блюдо – телячьи мозги, жареные в чесночных сухарях. – С африканской кухней я еще не знакома.

Нашу приятную беседу прервал телефонный звонок. Романов извинился и ответил на звонок. Разговор длился не больше минуты.

– Извините, Тина, – еще раз попросил он прощения, – но мне, к сожалению, придется уйти. Спасибо за приятный вечер. Отдыхайте. Если вам что-нибудь понадобится, смело обращайтесь к Прохору.

Лежа в темноте спальни, я думала о том, что у меня еще есть возможность остановиться, отойти в сторонку, не окунаясь во все это дерьмо с головой. Почему бы хоть раз не прислушаться к доводам рассудка? Пусть все идет своим чередом. Пусть полиция ищет преступника, который пытался убить Романова, а я... Что я? Смогу вернуться к своей прежней жизни? Вряд ли. В той жизни я была несчастна до такой степени, что едва не наложила на себя руки, но кто обещал, что новая будет более счастливой?..

– 7 –

В следующий раз я увиделась с хозяином дома почти через сутки. Мы снова трапезничали вместе. По окончании ужина, который также прошел в приятной беседе, Романов снова извинился и ушел. А я вернулась в комнату, которую уже считала своей, устроилась за компьютером и, набрав в поисковике фамилию «Романов» и город, в котором он родился, получила с десятков ссылок. Ничего особо интересного и сногшибательного я не узнала. Константин Петрович Романов вполне успешный бизнесмен, может, и не олигарх всероссийского масштаба, но в городе и в области человек известный и далеко не последний. Меценат, охотно занимается благотворительностью, не жалея денег на детские дома, школы-интернаты и дома престарелых, оказывает финансовую поддержку начинающим художникам, поэтам и писателям, спонсирует спортивные соревнования. Последнее – не удивительно, учитывая, что он – экс-чемпион Европы по стрельбе. Тридцать восемь лет, образование получил в самой столице, не женат. Биография, какой можно только позавидовать, хоть в президенты выдвигайся! Никаких тебе скандалов на любовном фронте, никаких порочащих связей с криминалом. Налоги и зарплаты своим работникам платит вовремя, причем и те и другие немалые. Явных врагов нет, а вот друзей влиятельных немало. Как ни старались журналисты разжиться компроматом, ничего у них не вышло. Так, одни намеки, много эмоций и никаких фактов. В общем, ничего, за что можно ухватиться и ответить на вопрос, кому понадобилось убивать Константина Петровича, я не нашла.

Третий день я провела одна, а на четвертый отправилась в город, немного прогулялась по центральному парку, а потом поехала в офис компании, принадлежащей Романову. Секретарша в приемной, увидев меня, просто обомлела:

– Вы к кому? – судорожно сглотнула она.

– К Константину Петровичу. – Я улыбнулась ей своей лучшей улыбкой, но она не оценила ее. Настроение длинноногой красавицы портилось прямо на глазах.

– Он занят, – голос Галочки прозвучал сухо, деловито и неприязненно.

– Ничего, я подожду, – проворковала я, села в кресло, закинув ногу на ногу. – У меня уйма свободного времени, и я никуда не спешу.

Секретарша исподтишка рассматривала меня, а я делала вид, что ничего не замечаю. Через несколько минут дверь открылась, и из кабинета вышел, нервно потирая носовым платком вспотевший лоб, толстый низкорослый мужчина. Не глядя ни на кого, он спешно покинул приемную, а я обратилась к девушке:

– Теперь я могу пройти?

– Подождите, я предупрежу Константина Петровича. Как вас представить?

Я сказала. Через мгновение она вышла и предложила мне войти, проводив таким взглядом, что я едва не споткнулась на ровном месте.

– Что случилось? – встал мне навстречу Романов. Он выглядел встревоженным.

– Ничего, если не считать, что мне надоело сидеть в четырех стенах. Я даже лишена возможности писать картины.

Я заметила, как облегченно он вздохнул, тревожное выражение моментально исчезло с его лица.

– В таком случае попрошу Прохора купить для вас все необходимое для работы – холсты, краски, кисти...

– Нет, не надо ничего. Признаться, мне сейчас не до творчества. Я могу думать только о том, как найти того или тех, кто точит на вас зуб.

– Точнее было бы сказать – того, кто ненавидит меня настолько, что решил сжить со свету.

– Да, так звучит точнее, – согласилась я. – У вас нет никаких новостей?

Он покачал головой.

– Служба безопасности компании ищет, но пока никаких подвижек. Полиция тоже ничем не может похвастать.

– Нам нужно действовать самим, – предложила я.

– Что мы можем сделать?

– Иногда решение вопроса лежит на поверхности, но его не видят.

– Вы думаете, у нас тот самый случай?

– Не знаю, – пожалала я плечами и неожиданно для него и себя предложила: – Возьмите меня на работу в свою компанию.

Он изумленно взглянул на меня.

– Зачем вам это?

– Может, мне повезет там, где пока не везет ни вашей службе безопасности, ни полиции?

– Почему бы и нет? – поразмыслив немного, согласился он. – Какую должность вам предложить?

– Таковую, чтоб я могла совать свой нос куда захочу и задавать любые вопросы, какие захочу, не вызывая подозрений

– Кто вправе задавать любые вопросы и получать на них ответы? – задался вопросом Романов и сам же на него ответил: – Полицейский, журналист...

– И психолог, – продолжила я. – В вашей компании есть психолог?

– Нет, а он нам нужен?

– С сегодняшнего дня – да.

– Вы хотя бы имеете представление, что входит в его обязанности? – Романов не смог скрыть веселой насмешки.

– К вашему сведению, я дипломированный психолог. Кажется, я вам это уже говорила в первую нашу встречу. Правда, не проработала по специальности ни дня.

По понятным причинам я не стала добавлять, что ни разу не была в университете и не прослушала ни одной лекции.

– Что ж, попрошу начальника отдела кадров оформить вас психологом.

– Только предупреждаю: диплома у меня нет, он остался дома. И потом, я не хотела бы, чтобы фигурировала моя настоящая фамилия.

– В таком случае не станем оформлять вас официально, просто заключим временное трудовое соглашение, ваша фамилия не будет фигурировать в налоговых отчетах. Это вас устроит?

Подумав, я кивнула.

– Когда можно приступить к работе?

– Хоть с завтрашнего дня.

– Значит, завтра в девять часов утра я буду здесь.

– Я сам доставлю вас к месту работы, а сегодня вечером приглашаю вас в ресторан «Боярский», – предложил он.

– Претенциозное название, – заявила я.

– Заведение открылось недавно, – сообщил Романов, – и быстро приобрело популярность среди гурманов.

– К каковым, как я вам уже говорила, я отношу себя, – улыбнулась я.

– Будьте готовы к восьми часам вечера.

В этот вечер мне хотелось выглядеть более привлекательно, чем обычно. Я отправилась в один из дорогих бутиков и купила умопомрачительно красивое платье цвета слоновой кости. Оно было узким и длинным до пят, с глубоким декольте. Прикупив аксессуары, я отправилась в салон красоты и провела там четыре часа: маникюр, педикюр, массаж, прическа, макияж. Как же долго я была лишена всего этого! У Константина Петровича перехватило дыхание,

когда он меня увидел. Он окинул меня с головы до ног чисто мужским взглядом, и в его темно-синих глазах сверкнуло откровенное восхищение. Он и сам выглядел великолепно в черном костюме, белоснежной рубашке и галстук с бриллиантовой булавкой. Я шагнула к нему и протянула руку. Он медленно взял ее в свою, слегка наклонился и поднес к губам.

– Сегодня мне будут завидовать все мужчины мира.

Ресторан «Боярский» соответствовал своему названию. Мы словно очутились в хоромах русского боярина. Сводчатые потолки, деревянные столы и стулья причудливой формы, расписанные талантливыми художниками. Почти все столики в ресторане были заняты. При нашем появлении все взгляды устремились на нас. В женских явственно читалась зависть, в мужских – восхищение. Я вдруг подумала, что мне не следовало появляться в обществе вместе с Константином Петровичем. Судя по всему, он человек известный, и каждый, кто оказывается с ним рядом, неизбежно привлекает к себе внимание. Как же я могла быть такой неосторожной!

– Мы можем уйти отсюда? – попросила я, слегка наклонив голову к своему спутнику.

– Что случилось? – встревожился он. – Вам здесь не нравится?

– Нет, нравится, здесь здорово, но мы привлекаем к себе слишком много внимания.

– Вы будете привлекать к себе внимание, где бы ни появлялись, и оно будет еще больше, когда рядом с вами буду я. Привыкайте.

– Вы ведь знали, что самое меньшее, чего я хочу, – привлекать к себе внимание, – прошипела я. – Вам следовало найти менее респектабельное заведение.

– А вам, – парировал он, – не следовало одеваться так, словно вы собрались на прием к английской королеве. Неужели вы полагали, что в таком наряде я потащу вас в какую-нибудь забегаловку?

– Каюсь, виновата. Так как стол уже заказан, мы поужинаем здесь, но больше никаких походов в рестораны и, вообще, совместных появлений в свет, – предупредила я.

– Могу только сожалеть об этом, – сказал он, обнял меня за талию и провел к единственному свободному столику у окна.

Я села так, чтобы оказаться спиной к залу. Константин Петрович заметил, как стремительно испортилось мое настроение, и попросил:

– Тина, давайте не будем портить такой замечательный вечер. Я возлагал на него большие надежды.

– Надежды на что? – ровным голосом спросила я.

– На то, чтобы поближе вас узнать.

– Я и так рассказала вам больше, чем намеревалась и чем следовало.

– И, тем не менее, я почти ничего о вас не знаю. Я могу только строить догадки, какой была ваша жизнь прежде.

– Я не хочу вспоминать прошлое. Боюсь только, что всегда найдутся те, кто будет время от времени напоминать мне о нем, – с печальным вздохом произнесла я и заявила: – Я хочу жить настоящим, не думая о прошлом и не беспокоясь о будущем.

– Великолепно, – кивнул он головой. – Никаких вопросов о прошлой жизни. Хотя, признаться, я отношусь к той категории мужчин, которые считают: если не знаешь о женщине все, то и не обладаешь ею полностью.

– Вот не думала, что по натуре вы собственник.

– В ваших устах это звучит как обвинение.

– Однажды я уже принадлежала человеку, который считал меня своей собственностью.

– Вы имеете в виду своего мужа?

– Да, – кивнула я. – И я дала себе слово, что никогда больше не буду чьей-то собственностью. Я хочу принадлежать только себе.

– Такие женщины, как вы, Тина, не могут принадлежать только себе. Мужчины всегда будут стремиться обладать не только вашим телом, но и вашей душой.

– Вы тоже? – против воли мой взгляд сделался лукавым, а голос – игривым.

– Я не исключение.

– Не бойтесь, что я буду вам не по зубам?

– Боюсь, – искренне признался он и рассмеялся.

Мы пикировались подобным образом и дальше. Общество моего спутника мне нравилось. Трудно было не поддаться той силе, которую он излучал, но я решила устоять. Сильные мужчины с некоторых пор меня не привлекали, и потому, когда, вернувшись в загородный дом, он предложил продолжить вечер в его постели, я отказалась.

– Вы хотите помучить меня...

– ...прежде чем сдать? – продолжила я за него. – Нет, я не хочу этого. И нет, это не обычное кокетство. Я хочу, чтобы между нами сохранились отношения работодателя и работника. Вы не забыли, что приняли меня на работу? Конечно, не забыли. А вы, уверена, не из тех глупых и недалёковидных мужчин, которые заводят служебные романы.

Если он станет донимать меня своим вниманием, то тем самым признает, что он глуп и недалёковиден. Он понял это и отступил. В его взгляде, когда он отпустил мою руку, я увидела невольное восхищение, только на этот раз не моей внешностью, а моей изворотливостью, и... сожаление. Очень большое сожаление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.